

БЕЗУМНО БОГАТЫЕ АЗИАТЫ

РОМАН

КЕВИН КВАН

Бывают богатые люди, бывают неприлично богатые,
а бывают безумно богатые... «Гордость и предубеждение»
для новых времен.

PEOPLE

Кевин Кван

Безумно богатые азиаты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43253413

Безумно богатые азиаты: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва;

2019

ISBN 978-5-389-17069-8

Аннотация

«Нигде в мире вы не найдете таких богатых людей, как китайцы», – писал средневековый арабский путешественник Ибн Баттута; эту фразу Кевин Кван использовал как эпиграф к своему международному бестселлеру.

Итак, познакомьтесь с Рейчел Чу; она американка китайского происхождения, молодой профессор экономики в Нью-Йоркском университете и специалист по теории игр. Однажды ее бойфренд Ник, тоже университетский преподаватель, родом из Сингапура, зовет ее провести лето в Азии – составить ему компанию в поездке на свадьбу его лучшего друга Колина. Рейчел почти ничего не знает про его семью (как и его семья – про Рейчел), и только в самой поездке выясняет, что они безумно богаты, а Ник – один из самых завидных азиатских женихов...

Права на экранизацию романа купила Нина Джейкобсон – продюсер «Голодных игр», и фильм «Безумно богатые азиаты» (режиссер Джон Чу, в главных ролях Констанс Ву и Генри

Голдинг) стал в 2018 году одним из лидеров кинопроката, и уже снимаются продолжения.

Содержание

Клан Янг, Шан и Цянь	8
Пролог	11
Часть первая	25
1	25
2	34
3	46
4	51
5	58
6	67
7	76
8	87
9	95
10	105
11	114
12	127
13	137
14	148
15	159
16	169
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Кевин Кван

Безумно богатые азиаты

Посвящается моим родителям

Kevin Kwan

CRAZY RICH ASIANS

Copyright © 2013 by Kevin Kwan

© Н.Н. Власова, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Кевин Кван родился в Сингапуре, в семье, принадлежащей к верхушке «азиатской аристократии»: его прадед был одним из основателей старейшего сингапурского банка, его дед – видным офтальмологом и первым сингапурским специалистом, обучавшимся за рубежом. Его родители, инженер и пианистка, переехали в США, когда Кевину было 11 лет. Он получил степень магистра медиаисследований в Университете Хьюстона, учился в Манхэттенской школе дизайна, работал в основанном Энди Уорхолом журна-

ле *Interview*, затем открыл собственную творческую студию, обслуживавшую таких престижных клиентов, как Музей современного искусства и газета *New York Times*.

Его трилогия, начатая романом «Безумно богатые азиаты», стала международным феноменом: перевод на два десятка языков, многомиллионные продажи, экранизация под руководством такого опытного продюсера, как Нина Джейкобсон, прославившаяся «Голодными играми»; при бюджете 30 миллионов долларов фильм «Безумно богатые азиаты» (режиссер Джон Чу, в главных ролях Констанс Ву и Генри Голдинг) собрал в мировом прокате 240 миллионов, и уже снимаются продолжения.

В 2014 году Кван вошел в список «5 самых перспективных авторов» по версии журнала *Hollywood Reporter*, а в 2018-м – в список 100 наиболее влиятельных людей, публикуемый журналом *Time*.

Полный восторг с первой до последней страницы! Заносит на поворотах, как на рококостере, но смакуешь каждую секунду.

ДЖЕКИ КОЛЛИНЗ

Самая уморительная книга года, если не десятилетия. Кван, родившийся в Сингапуре, знает, о чем пишет.

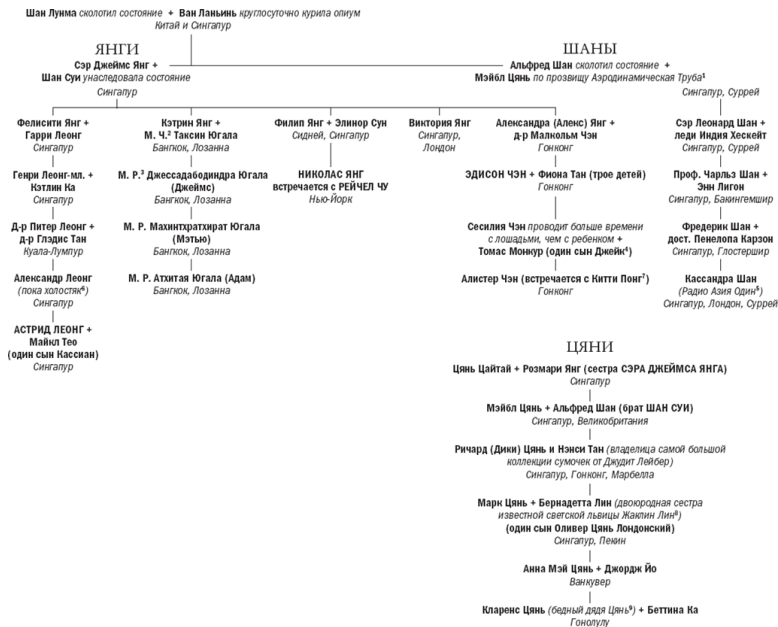
THE DENVER POST

Эксцентричная комедия эпохи шоппоголиков, уморительный апофеоз нового вуайеризма – для

тех, кто объелся романтикой в привычном англо-американском антураже.

NEW YORK TIMES

Клан Янг, Шан и Цянь (сокращенное генеалогическое древо)

¹ Вот что бывает, если делаешь подтяжку лица в Аргентине.

² М. Ч. – сокращение титула мом чао, предназначенного для внуков короля Таиланда Рамы V (1853–1910). Титул все еще считается королевским. Соответствует английскому «его светлость». Как и большинство членов огромной королевской семьи Таиланда, большую часть года проводят в Швейцарии. Лучше гольф, проще транспортное сообщение.

³ М. Р. – сокращение титула мом раджавонсе, который присоединяется к именам детей, если их отец мом чао. Трое сыновей Кэтрин Янг и тайского принца женились на тайках благородного происхождения, но поскольку их имена ужасно длинные, непригодные для тех, кто не знает тайского, и неважны для нашей истории, то мы их опустим.

⁴ Мечтает сбежать со своей дорогой няней в Манилу и принять участие в мировом чемпионате по караоке.

⁵ Сплетни в ее исполнении распространяются быстрее, чем новости Би-би-си.

⁶ Но прижил как минимум одного внебрачного сына с одной малайкой, которая теперь живет в роскошной квартире в Беверли-Хиллз.

⁷ Актриса гонконгских мыльных опер – по слухам, та самая девушка в красном парике из «Нагни моего тигра, спрячь своего дракона – 2»¹.

⁸ К сожалению, унаследовала внешность родственников

---

¹ Самым кассовым неанглоязычным фильмом в истории американского проката был «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (2000).

по материнской линии – Чоу.

⁹ Продал все свою сингапурскую недвижимость в 1980-х и перебрался в Гонолулу, но с тех пор постоянно ноет, что был бы миллиардером, если бы «подождал пару лет».

Пролог

Двоюродная родня

Лондон, 1986 год

Николас Янг², вымотанный шестнадцатичасовым перелетом из Сингапура, поездкой из аэропорта Хитроу на поезде и «прогулкой» под проливным дождем по улицам Лондона, рухнул в ближайшее кресло в холле отеля. На соседнем месте стоически безмолвно дрожала Астрид Леонг, кузина Николаса. А все потому, что ее мать Фелисити, которую родные называли да гуцзе³ – старшей тетушкой, заявила: дескать, грех брать такси, чтобы проехать девять кварталов, – и потащила всех пешком от станции метро «Пикадилли».

Любой, ставший свидетелем этой сцены, заметил бы необычайно собранного восьмилетнего мальчугана и худенькую малышку, тихонько сидевшую в уголке, но Реджинальд Ормсби со своего рабочего места, откуда холл был виден как на ладони, наблюдал совсем другое: двух китайских ребятшек в промокших пальто, оставляющих влажные следы на

---

² Азиатские фамилии даны по правилам транскрибирования сингапурских и кантонских фамилий. – *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

³ Тетка (сестра отца).

дорогой обивке из дамаста. Но это еще не все. Неподалеку от стойки администратора маячили три китайки: они делали отчаянные попытки просушить одежду салфетками, – а подросток из этой же компании лихо заскользил через весь холл, пачкая грязными кроссовками мраморные полы в шахматную клетку.

Реджинальд Ормсби, понимая, что его подчиненные за стойкой регистрации не смогут ловко отшить иностранок, а у него это получится наверняка, поспешил к лестнице, ведущей вниз с бельэтажа.

– Добрый вечер. Я управляющий. Чем могу помочь? – медленно проговорил он, растягивая каждое слово.

– Да, добрый вечер. У нас забронирован номер, – ответила одна из китайок на превосходном английском.

Ормсби с удивлением посмотрел на нее:

– На чье имя?

– Элино́р Янг.

Ормсби застыл на месте. Он узнал имя, поскольку на Янгов был забронирован лучший люкс «Ланкастер». Но кто бы мог представить, что под именем Элино́р Янг скрывается китайка?! Как она вообще тут, черт побери, оказалась? Может быть, «Дорчестер» или «Риц» пустили бы к себе подобную публику, но это же «Калторп»! Отель принадлежал роду Калторп-Кавендиш-Горов со времен правления Георга IV и позиционировался как закрытый клуб для семей, чьи фами-

лии появляются в «Дебретте» и «Готском альманахе»⁴.

Ормсби смерил взглядом растрепанных женщин и промокших детей. Вдовствующая маркиза Акфилд остановилась здесь на уик-энд, и Ормсби едва мог вообразить, как она отреагирует при виде этого сброда за завтраком. Решение не заставило себя ждать.

– Мне ужасно жаль, но я не вижу брони на ваше имя.

– Вы уверены? – удивленно спросила Элино́р.

– Совершенно. – Ормсби натянуто улыбнулся.

Фелисити Леонг подошла к стойке регистрации и встала рядом с женой брата.

– Что-то не так? – нетерпеливо спросила она невестку, поскольку хотела поскорее попасть в номер и высушить волосы.

– Аламак!⁵ Они не могут найти нашу бронь, – вздохнула Элино́р.

– В смысле? Может, ты указала другое имя?

– Да нет, лах!⁶ С чего бы? Я всегда бронирую номера под своим именем, – раздраженно ответила Элино́р. Почему Фе-

---

⁴ «Дебретт» и «Готский альманах» – справочники по генеалогии аристократов.

⁵ Одно из самых популярных восклицаний в Сингапуре, заимствованное из малайского языка; выражает потрясение или разочарование вроде «боже мой». – *Примеч. автора.*

⁶ Не менее популярно, чем «аламак». Усиливает высказывание в конце фразы сродни частице «же». Впрочем, нет однозначного объяснения, почему люди используют это словечко, лах. – *Примеч. автора.*

лисители всегда считает, что она в чем-то напортила? Элинор снова обратилась к управляющему: – Сэр, не могли бы вы перепроверить? Я подтверждаю бронь всего два дня назад. Мы должны заселиться в самый большой люкс.

– Да, я знаю, что вы бронировали «Ланкастер», но не вижу нигде вашего имени.

– Простите, но если вы в курсе, что мы бронировали «Ланкастер», почему мы не можем туда заселиться? – недоумевала Фелисити.

Черт возьми! Ормсби проклинал себя за оговорку.

– Нет-нет, вы не так меня поняли. Я хотел сказать: знаю, вы считаете, что люкс бронирован на ваше имя, однако не могу найти никаких записей. – Он отвернулся на минуту, притворившись, что роется в каких-то бумагах.

Фелисити перегнулась через полированную дубовую стойку, пододвинула к себе толстую тетрадь в кожаном переплете и зашуршала страницами.

– Посмотрите! Так вот же! «Миссис Элинор Янг. Люкс „Ланкастер“. Четыре ночи». Вы что, не видите?

– Мадам, это ЧАСТНАЯ собственность! – в ярости взорвался Ормсби, отчего испугал двоих молодых отельных служащих, посматривавших на своего начальника с тревогой.

Фелисити взглянула на этого лысеющего краснолицего мужчину и внезапно с пугающей ясностью поняла, что происходит. Ей не приходилось сталкиваться с подобными вы-

сокомерными насмешками с самого детства. Она выросла в колониальном Сингапуре, доживающем последние дни, и ей казалось, что столь явный расизм давно исчез с лица земли.

– Сэр, – сказала она вежливо, но твердо, – этот отель очень рекомендовала нам миссис Минс, жена епископа Англиканской церкви Сингапура, и я ясно видела имя моей невестки в вашей книге регистраций. Не знаю, что за ерунда тут творится, но мы проделали очень длинный путь, наши дети устали и замерзли. Я настаиваю на том, чтобы вы предоставили нам забронированный номер.

Ормсби негодовал. Да как смеет эта китаянка с химической завивкой а-ля Маргарет Тэтчер и абсурдным английским произношением разговаривать с ним в подобном тоне?!

– Боюсь, что у нас просто нет свободных номеров! – заявил он.

– Вы хотите сказать, что во всем отеле нет ни одной свободной комнаты? – Элинор не поверила своим ушам.

– Именно, – отрезал Ормсби.

– И куда прикажете идти в столь поздний час? – поинтересовалась Элинор.

– Может, куда-нибудь в Чайна-таун? – фыркнул Ормсби. Эти иностранки и так уже отняли у него кучу времени.

Фелисити подошла к своей младшей сестре Александре Чэн, сторожившей багаж.

– Ну наконец-то! – с нетерпением воскликнула Алек-

сандра. – Жду не дождусь, чтобы принять горячую ванну.

– Вообще-то, этот гнусный тип, администратор, отказывается заселить нас в наш номер! – прорычала Фелисити, даже не пытаясь скрыть свою ярость.

– Что? Почему?! – Александра была в полном недоумении.

– Думаю, потому, что мы китайцы, – буркнула Фелисити, сама до конца не веря тому, что говорит.

– Вот дрянь! – выругалась Александра по-кантонски. – Дайте-ка я побеседую с ним. Я научилась общаться с такими типами, пока жила в Гонконге.

– Алекс, не утруждай себя. Он просто рыжеволосое собачье дерьмо!⁷ – воскликнула Элино́р.

– Пусть! Но ведь это один из лучших отелей Лондона! Как могут здесь так себя вести?! – изумлялась Александра.

– Именно! – Фелисити рвала и метала. – Англичане обычно такие учтивые. Со мной ни разу так не обращались за все годы, что я сюда приезжала.

Элино́р кивнула в знак согласия, хотя в душе считала, что вина за их фиаско отчасти лежит на Фелисити. Если бы та не была, что называется, «с горчинкой»⁸ и позволила бы им

---

⁷ Очаровательное выражение на южноминьском диалекте, распространенном среди китайских эмигрантов стран Юго-Восточной Азии. Используется для обозначения иностранцев с Запада. – *Примеч. автора.*

⁸ Выражение используется в миньнаньском диалекте в значении «скаредный». (Подавляющее большинство сингапурцев говорит по-английски, но в малайском, индийском и различных китайских диалектах принято смешивать слова, образуя

взять такси от Хитроу, то они не выглядели бы такими потрепанными. Разумеется, ситуацию усугубляло еще и то, что золовки всегда одевались безвкусно, поэтому и самой Элинор приходилось выбирать наряды попроще, отправляясь с родней в поездку. А все после того памятного путешествия в Таиланд, когда Фелисити и Александру принимали за ее прислугу.

Эдисон Чэн, двенадцатилетний сын Александры, с беззаботным видом подошел к дамам, потягивая газировку из высокого стакана.

– Ай-я, Эдди! Где ты это взял? – воскликнула Александра.

– В баре, конечно.

– Как ты расплатился?

– А я не... короче, велел записать на наш номер, – беспечно отмахнулся Эдди. – Можно уже пойти наверх? Я проголодался и хочу заказать ужин в номер.

Фелисити неодобрительно покачала головой: гонконгские мальчишки славятся своей избалованностью, но племянник просто неисправим. Хорошо, что они приехали сюда; Эдди можно отдать в пансион, где из него выбьют всю дурь. Холодный душ по утрам и черствый тост, намазанный боврилом⁹, – вот что нужно Эдди.

– Нет, мы здесь не останемся. Иди и присмотри за Ники

местный говор, известный как «синглиш».) – *Примеч. автора.*

⁹ *Боврил* – любимая англичанами паста из концентрированного говяжьего бульона.

и Астрид, пока мы решаем, что делать дальше, – распорядилась Фелисити.

Эдди направился к своим младшим двоюродным родственникам и продолжил ту игру, в которую они начали играть еще в самолете:

– Брысь с дивана! Помните, президент я, а значит, я единственный имею право сидеть! – скомандовал он. – Так, Ники, держи мой стакан, пока я пью через соломинку. Астрид, ты мой секретарь, так что массируй мне плечи.

– Я не понимаю, почему это ты президент, Ники вице-президент, а я должна быть секретарем?! – возмутилась Астрид.

– А я разве не объяснял? Я президент, потому что на четыре года старше вас. А ты секретарь, потому что девчонка. Мне нужна девчонка, чтобы массировать мне плечи и выбирать украшения для всех моих любовниц. Отец моего лучшего друга Лео, господин Мин, – третий из самых богатых людей в Гонконге, и его секретарша занимается именно этим.

– Эдди, если хочешь, чтобы я был твоим вице-президентом, то я должен делать что-то поважнее, чем просто держать твой стакан, – возразил Ник. – И мы еще не решили, что выпускает наша компания.

– Я уже решил! Автомобили на заказ, типа «роллс-ройсов» и «ягуаров»! – заявил Эдди.

– Нельзя ли производить что-то покруче? Например, машину времени? – спросил Ник.

– Это будут супернавороченные лимузины с джакузи, потайными отделениями и катапультируемыми креслами, как у Джеймса Бонда.

Эдди подпрыгнул на диване так резко, что выбил стакан из руки Ника. Кола пролилась по полу, в холле раздался звон бьющегося стекла. Все – старший коридорный, консьерж и портье за стойкой регистрации – уставились на детей. Александра подскочила к ним, возмущенно потрясая пальцем:

– Эдди, что ты наделал!

– Я не виноват. Это Ники уронил... – начал Эдди.

– Но это был твой стакан, и ты выбил его у меня из руки! – защищался Ник.

Ормсби уже стоял рядом с Фелисити и Элино́р:

– Боюсь, мне придется попросить вас покинуть отель.

– Можно мы воспользуемся телефоном? – взмолилась Элино́р.

– Я думаю, дети уже нанесли достаточно ущерба для одного вечера, а? – прошипел управляющий.

На улице по-прежнему шел дождь, и вся компания сгрудилась под полосатым бело-зеленым навесом на Брук-стрит, пока Фелисити в телефонной будке в бешенстве обзванивала другие отели.

– Тетушка похожа на солдата в караульной будке, – заметил Ник, взволнованный странным поворотом событий. – Мамочка, а что мы будем делать, если не найдем места для ночлега? Может, ляжем спать в Гайд-парке? Там есть потря-

сающий плакучий бук, который называют перевернутым деревом, – у него ветки свисают до самой земли, получается почти что пещера. Можно спать под ними и защититься от...

– Не говори ерунды! Никто не будет спать в парке. Тетушка сейчас обзванивает другие отели, – перебила Элинора, подумав, что сын умен не по годам.

– Ой, я хочу спать в парке! – радостно взвизгнула Астрид. – Ники, а помнишь, как мы вынесли большую железную кровать из дома а-ма¹⁰ и спали прямо под звездным небом?

– Вы можете ночевать хоть в сточной канаве, мне плевать, а я займу большой королевский номер, откуда смогу заказать клубные сэндвичи с шампанским и икрой, – сказал Эдди.

– Не будь смешным, Эдди. Когда это ты пробовал икру? – спросила его мать.

– Дома у Лео. Их дворецкий обычно подает нам икру на небольших треугольных тостах. И это всегда икра иранской белуги, потому что иранская икра – лучшая, так мама Лео говорит, – заявил Эдди.

– Да, очень похоже на Конни Мин, – пробормотала Александра себе под нос, радуясь, что увезла сына подальше от этой семейки и ее тлетворного влияния.

В телефонной будке Фелисити, перекрикивая шумы и помехи, пыталась объяснить всю серьезность положения мужу, оставшемуся в Сингапуре.

– Ну это же чушь! Надо было потребовать свой номер! –

---

¹⁰ Бабушка.

раздраженно выговаривал ей Гарри Леонг. – Ты всегда слишком уж церемонишься. Обслугу надо ставить на место! Ты сказала, кто мы вообще такие? Я позвоню прямо сейчас министру торговли!

– Гарри, это не поможет. Я обзвонила уже больше десяти отелей. Кто же знал, что сегодня День Содружества?¹¹ В город съехались все ВИП-персоны, свободных номеров нет. Бедняжка Астрид промокла насквозь. Нам нужно найти себе место для ночлега раньше, чем твоя дочь простудится и умрет.

– А ты звонила своему кузену Леонарду? Может, вы могли бы поехать на поезде прямо в Суррей? – предложил Гарри.

– Звонила. Он в отъезде. Все выходные охотится на куропаток в Шотландии.

– Полный бардак! – вздохнул Гарри. – Давай я позвоню Томми Тоху в посольство Сингапура. Уверен, они все уладят. Как называется этот чертов расистский отель?

– «Калторп», – ответила Фелисити.

– Аламак! Этим отелем владеет Руперт Калторп чего-то там? Длинная такая фамилия? – внезапно встрепенулся Гарри.

– Я понятия не имею.

– А где он расположен?

---

¹¹ *День Содружества наций* – ежегодный праздник стран – участниц ассоциации независимых государств, ранее входивших в Британскую империю. Отмечается во второй понедельник марта.

– В районе Мэйфер, неподалеку от Бонд-стрит. Вообще-то, отель довольно красивый. Если бы не этот ужасный управляющий...

– Да, все сходится! Я играл в гольф с Рупертом как-его-там и парочкой других британцев в прошлом месяце в Калифорнии. Помнится, он рассказывал об этом месте. Фелисити, у меня появилась идея. Я свяжусь с этим Рупертом. Никуда не уходи, я перезвоню!

Ормсби глазам своим не поверил, когда трое китайчат снова ворвались в отель спустя всего лишь час после того, как он спровадил эту ораву.

– Эдди, я возьму себе попить. Если тоже хочешь, то сам сходи, – решительно заявил Ник двоюродному брату и зашагал в сторону бара.

– Помни, что сказала твоя мамочка. Уже слишком поздно пить колу! – предупредила Астрид, вприпрыжку пересекая холл и пытаясь поспеть за мальчиками.

– Ну тогда я буду ром с колой! – Эдди совсем обнаглел.

– Ради всего святого!.. – проревел Ормсби и помчался, чтобы перехватить маленьких нахалов.

Но, не успев нагнать их, Ормсби внезапно увидел лорда Руперта Калторп-Кавендиш-Гора, который приглашал тех самых китайнок пройти в холл и, похоже, собирался провести для них экскурсию по отелю.

– Мой дедушка в тысяча девятьсот восемнадцатом году

заплатил Рене Лалику¹², чтобы тот сделал стеклянный декор, который вы видите в большом зале. Нужно ли говорить, что Лаченсу¹³, который наблюдал за реставрационными работами, не понравилось засилье ар-нуво...

Женщины вежливо рассмеялись.

Персонал вытянулся по стойке смирно. Все были удивлены, когда увидели старого лорда, который уже много лет не зааживал в отель. Лорд Руперт обратился к управляющему:

– Эй... Вормсби¹⁴, так ведь?

– Да, милорд. – Ормсби был слишком изумлен, чтобы поправить хозяина.

– Вы не могли бы распорядиться, чтобы подготовили номера для очаровательных миссис Янг, миссис Леонг и миссис Чэн?

– Но, сэр, я только... – попытался оправдаться Ормсби.

– И вот еще что, Вормсби, – продолжил лорд Руперт с пренебрежением. – Поручаю вам сделать очень важное объявление для персонала. Моя семья владела «Калторпом» долгие годы, но сегодня вечером эта история подошла к концу.

Ормсби смотрел на него в крайнем изумлении:

– Милорд, уверен, здесь какая-то ошибка...

---

¹² *Рене Лалик* – французский ювелир и стеклянных дел мастер, один из выдающихся представителей ар-нуво.

¹³ *Эдвин Ландсир Лаченс* – крупнейший представитель архитектуры британского неоклассицизма.

¹⁴ Искаженная фамилия звучит обидно (*англ.* worm – червяк).

– Нет, никакой ошибки. Я только что продал отель. Как говорится, со всеми потрохами. Позвольте представить новую владелицу: миссис Фелисити Леонг!

– ЧТО?!!

– Да, супруг миссис Леонг, Гарри Леонг, с которым я познакомился в Пеббл-Бич, чудесный парень со смертоносным свингом¹⁵ правой рукой, позвонил и сделал потрясающее предложение. Теперь я могу посвятить все свое время ловле белых лисиц¹⁶ на Эльютере, не беспокоясь об этой го-тической махине.

Ормсби с открытым ртом уставился на женщин.

– Леди, почему бы нам не присоединиться к вашим очаровательным детишкам в баре и не отпраздновать это событие?! – весело спросил лорд Руперт.

– Было бы чудесно, – ответила Элинор. – Но сначала... Фелисити, ты же хотела что-то сказать этому человеку?

Фелисити повернулась к Ормсби. Он выглядел так, будто вот-вот хлопнется в обморок.

– Ах да, я почти забыла, – с улыбкой начала она. – Боюсь, мне придется попросить вас покинуть отель.

---

¹⁵ *Свинг* – основной удар в гольфе.

¹⁶ *Белая лисица* – рыба альбула, популярный объект спортивной рыбалки.

Часть первая

Нигде в мире вы не найдете таких богатых людей, как китайцы.

Ибн Баттута. XIV век

1

Николас Янг и Рейчел Чу

Нью-Йорк, 2010 год

– Ты уверен? – переспросила она, легонько дуя на дымящийся чай в чашке.

Они сидели за своим любимым столиком у окна в кафе «Чай и симпатия»¹⁷, и Ник только что пригласил Рейчел провести лето с ним в Азии.

– Рейчел, мне бы очень хотелось, чтобы ты поехала, – заверил ее Ник. – Ты же не планировала преподавать летом, так что тебя волнует? Думаешь, ты не вынесешь жары и влажности?

– Нет, дело не в этом. Я так понимаю, ты будешь занят обя-

---

¹⁷ «Чай и симпатия» – название известной бродвейской пьесы.

занностями шафера, не хотелось бы тебя отвлекать, – объяснила Рейчел.

– О чем ты говоришь? Свадьба Колина – это всего лишь первая неделя в Сингапуре, а потом мы можем все лето шататься по Азии. Ну же! Позволь мне показать тебе, где я вырос. Покажу тебе все свои любимые места.

– Ты покажешь мне священную пещеру, где лишился девственности? – поддразнила его Рейчел, игриво выгнув бровь.

– Разумеется! Даже можем восстановить события! – Ник рассмеялся, намазывая варенье и сливки на еще теплую, свежую булочку. – И у тебя ведь подружка живет в Сингапуре?

– Да, Пейк Лин, моя лучшая подружка по колледжу, – кивнула Рейчел. – Она уже несколько лет зазывает меня в гости.

– Тем более. Рейчел, тебе понравится! И я точно знаю: ты будешь без ума от местной еды! Ты в курсе, что сингапурцы помешаны на еде, как никто другой в мире?

– Ну, судя по тому, с каким восторгом ты смотришь на все, что ешь, думаю, обжорство сродни национальному спорту.

– Помнишь статью Кельвина Триллина в «Нью-Йоркере» про сингапурскую уличную еду? Я покажу тебе такие ресторанчики, о которых даже он не знает. – Ник откусил от пышной булочки еще кусок и продолжил с набитым ртом: – Я знаю, как тебе нравятся эти булочки. погоди, вот попробуешь те, что печет моя а-ма...

– Твоя бабушка печет булочки? – Рейчел попыталась во-

образить, как типичная китайская бабушка готовит типично английский десерт.

– Ну, не то чтобы она пекла их сама, но у нее самые лучшие булочки в мире... увидишь... – сказал Ник, по привычке обводя взглядом маленький уютный зал, чтобы удостовериться, что их никто не подслушал. Ему не хотелось стать персоной нон грата в любимом кафе из-за того, что он поклялся в верности конкурирующим булочкам, пусть даже бабушкиным.

За соседним столиком, пытаясь спрятаться за трехъярусной подставкой, доверху заваленной крошечными фингер-сэндвичами, съежилась девушка. Подслушанный разговор все больше волновал ее. Она сразу заподозрила, что это, возможно, *он*, а теперь была уверена на сто процентов. Это действительно Николас Янг. Ей было тогда всего пятнадцать, но Селин Лим не могла забыть тот день... Николас прошел мимо их столика в Пулау-клубе¹⁸ и убийственно улыбнулся ее сестре Шарлотте.

– Это один из братьев Леонг? – поинтересовалась мама.

– Нет, это Николас Янг, их двоюродный брат, – ответила Шарлотта.

– Сын Филипа Янга? Ай-я, когда он успел так вырасти? Такой красавчик! – воскликнула миссис Лим.

– Только что вернулся из Оксфорда. Двойной диплом –

---

¹⁸ *Пулау-клуб* – самый престижный загородный клуб Сингапура, членство в котором получить сложнее, чем рыцарское звание.

история и право, – добавила Шарлотта, предвидя следующий вопрос матери.

– Почему бы тебе не подойти и не поговорить с ним? – поинтересовалась миссис Лим с волнением.

– А с чего мне с ним разговаривать, если ты отбраковываешь всех парней, которые осмелились подойти ко мне? – огрызнулась Шарлотта.

– Аламак! Глупая девчонка! Я просто пытаюсь защитить тебя от всяких альфонсов, охотников за деньгами. Тебе повезет, если отхватишь такого, как Николас! Этого можешь смело заграбастать!

Селин не верила своим ушам: мать просто-таки подталакивала старшую сестру в объятия этого парня! Она с любопытством взглянула на Николаса, который весело смеялся с друзьями. Их компания расположилась у бассейна, рядом со столиком под сине-голубым зонтом. Даже издали Николас выделялся ростом и сложением. В отличие от других ребят, с их одинаковыми стрижками из индийских парикмахерских, у него были черные волосы, лежавшие в идеальном художественном беспорядке, а также точеные черты лица, которым мог бы гордиться какой-нибудь кантонский поп-идол, и невероятно густые ресницы. Это был самый симпатичный, самый фантастический парень, которого Селин когда-либо видела.

– Шарлотта, почему бы тебе не подойти и не пригласить его на твою благотворительную акцию в субботу? – не уни-

малась мать.

– Хватит, мам. – Шарлотта улыбнулась сквозь сжатые зубы. – Я знаю, что делать.

Как оказалось, Шарлотта не знала, что делать, поскольку Ник так и не появился у них дома, к величайшему разочарованию матери. Но в тот день в Пулау-клубе Николас Янг оставил такой неизгладимый след в памяти девочки-подростка, что и спустя шесть лет на другом краю света она все равно узнала его.

– Дай-ка я щелкну тебя с этим вкуснейшим карамельным пудингом, – пробормотала Селин, доставая мобильный.

Она направила камеру на подружку, но на самом деле тайком сделала так, чтобы в объектив попал Николас, щелкнула фото и тут же отправила по электронной почте сестре, которая теперь жила в Атертоне, штат Калифорния. Спустя пару минут телефон запищал.

Сестренка: *БОЖЕЧКИ! ЭТО ЖЕ НИКОЛАС ЯНГ!
ГДЕ ТЫ?*

Селин Лим: *«Чай и симпатия».*

Сестренка: *Что за девица с ним?*

Селин Лим: *Думаю, подружка. КРА*¹⁹.

Сестренка: *Хм... кольцо есть?*

Селин Лим: *Нет.*

Сестренка: *Пошпионь для меня. Плииииз!*

Селин Лим: *С тебя причитается!*

---

¹⁹ Сокращение от «китайка, родившаяся в Америке». – *Примеч. автора.*

Ник посмотрел в окно кафе, удивляясь тому, сколько людей с маленькими собачками дефилировало по этому отрезку Гринвич-авеню, словно это подиум для демонстрации самых модных в городе пород. Год назад последним писком моды были французские бульдоги, а сейчас, похоже, верх брали левретки. Он повернулся к Рейчел и продолжил рекламную кампанию:

– Самое прекрасное в Сингапуре – его местоположение. Считай, Малайзия через мост, а еще рукой подать до Гонконга, Камбоджи, Таиланда. Мы можем даже устроить тур по островам Индонезии...

– Звучит чудесно, но *десять недель*... не знаю, хочу ли я уехать так надолго, – размышляла вслух Рейчел.

Она чувствовала рвение Ника. Идея поехать в Азию снова наполняла ее волнением. Целый год после окончания колледжа и до поступления в аспирантуру Рейчел провела в Чэнду в качестве преподавателя, но тогда не могла себе позволить выехать за пределы Китая. Разумеется, как экономист, она много знала о крошечном интригующем островке на вершине полуострова Малакка – о Сингапуре, который всего за несколько десятилетий превратился из задворков Британской империи в страну с самой высокой в мире концентрацией миллионеров на душу населения. Было бы интересно взглянуть на это место вблизи – особенно если ее гидом будет Ник.

И все же что-то настораживало Рейчел, и она не могла

отделаться от мысли, что путешествие может иметь серьезные последствия. Ник предложил ей поехать с ним будто бы спонтанно, но, зная его, она была уверена, что он продумал все куда серьезнее, чем показывал. Они встречались почти два года, а теперь он приглашает Рейчел в длительную поездку в свой родной город, да еще и на свадьбу лучшего друга, не меньше. Означало ли это то, о чем она думала?

Рейчел уставилась на дно чашки, жалея, что не может прочесть свое будущее по листьям, оставшимся от золотого ассамского чая. Она никогда не принадлежала к числу девушек, мечтающих о сказочном принце. Но ей двадцать девять, по китайским меркам – старая дева, и, хотя неугомонные родственники постоянно пытались устроить ее личную жизнь, Рейчел потратила лучшие свои годы на то, чтобы окончить аспирантуру, дописать диссертацию и сделать головокружительную академическую карьеру. Однако это неожиданное приглашение всколыхнуло подавленные инстинкты. *Он хочет отвезти меня домой. Он хочет познакомиться меня с семьей.* В Рейчел пробудился давно спящий романтик, и она знала, что ответ может быть только один.

– Мне нужно уточнить у декана, к какому числу я должна вернуться, но знаешь что? Давай поедem! – заявила Рейчел.

Ник перегнулся через стол и с ликованием поцеловал ее.

Спустя несколько минут, еще до того, как Рейчел определилась со своими планами на лето, подробности их разговора уже начали распространяться, циркулируя по земно-

му шару, как вирус. Селин Лим, обучающаяся на модельера в школе дизайна «Парсонс», отправила по электронной почте сообщение своей старшей сестре Шарлотте, недавно обручившейся с венчурным инвестором Генри Чиу, в Калифорнию. Шарлотта тут же позвонила лучшей подруге Дафне Ма (младшей дочери сэра Бенедикта Ма) в Сингапур и, задыхаясь, поведала ей новости. Дафна отправила эсэмэски восьми подругам, включая Кармен Квек (внучку сахарного короля Роберта Квека) в Шанхае – ее двоюродная сестра Амелия Квек вместе с Николасом Янгом училась в Оксфорде. Амелии ничего не оставалось делать, как послать сообщение своей подруге Джастине Вэй (наследнице компании «Лапша быстрого приготовления») в Гонконг. Джастине, чей офис в «Хачисон Вампоа» находился прямо напротив кабинета Родерика Ляна («Финансовая группа Лян»), пришлось прервать его совещание по селекторной связи, чтобы поделиться пикантной новостью. Родерик связался по скайпу со своей девушкой Лорен Ли, проводившей отпуск в шикарном отеле «Ройял Мансур» в Марракеше вместе с бабушкой миссис Ли Юнчэн (в представлении не нуждается) и тетушкой Пэтси Тео («мисс Тайвань – 1979», ныне бывшая жена телефонного магната Диксона Тео). Пэтси прямо от бассейна позвонила Жаклин Лин (внучке известного филантропа Лин Иньчао) в Лондон, отлично зная, что Жаклин по прямой линии свяжется с Кассандрой Шан (троюродной сестрой Николаса Янга), которая каждую весну гостит в огромном поме-

стве ее семьи в графстве Суррей.

Эта причудливая цепочка сплетен быстро распространилась по внутренним каналам среди азиатских денежных мешков, и через несколько часов почти все в этом эксклюзивном узком кругу узнали, что Николас Янг приедет домой в Сингапур не один, а с какой-то девушкой.

Аламак! Вот это новость!

2

Элино́р Янг

Сингапу́р

Все знали, что дато²⁰ Тай То Луй²¹ сколотил состояние нечестным путем, обанкротив банк «Лун Ха» в начале восьмидесятых, но спустя два десятилетия благодаря усилиям его супруги датин Кэрол Тай, которая жертвовала деньги на правильные нужды, его имя было отполировано до состояния респектабельности. Например, каждый четверг датин устраивала ланч, за которым обсуждала с ближайшими подругами Библию в своей спальне, и Элино́р, разумеется, принимала участие в этих посиделках.

Великолепная спальня Кэрол располагалась за пределами масштабной конструкции из стекла и бетона, которую все жители Хим-Хок-роуд величали «Дом из „Звездного пути“».

---

²⁰ *Дато* – почетный титул, присуждаемый за особые заслуги перед государством (аналог английского рыцарского звания), дарованный наследственным королевским правителем одного из девяти малайских государств. Титул часто используется малайскими королевскими особами, чтобы вознаградить влиятельных бизнесменов, политиков и филантропов в Малайзии, Сингапуре и Индонезии, и некоторые люди тратят десятилетия, добиваясь этого титула. Супруга получает титул датин. – *Примеч. автора.*

²¹ Говорящее имя, которое означает «слишком много денег».

По совету сотрудника службы безопасности из команды мужа спальню спрятали в павильоне. Это была белоснежная крепость из туфа, тянувшаяся вдоль бассейна, как постмодернистский Тадж-Махал. Сюда можно было попасть либо по тропинке, петлявшей между альпинариями, либо напрямую – через служебный блок. Элинон всегда предпочитала краткий путь, поскольку старательно избегала солнца, желая сохранить фарфоровый цвет кожи. Кроме того, будучи старинной подругой хозяйки дома, она считала, что в виде исключения может обойтись и без формальностей вроде ожидания у входной двери, пока о визите не доложит дворецкий, и прочей чуши. А еще Элинон просто нравилось проходить через кухню. Старенькие служанки, сидевшие на корточках перед эмалированными пароварками, всегда открывали крышку, чтобы Элинон могла вдохнуть запах травяных настоев, которые готовили для мужа Кэрол («природная виигра», как он их называл). Кухарки, потрошившие рыбу во дворе, ахали: как же молодо выглядит миссис Янг в шестьдесят-то лет, с волосами, обрезанными по моде до линии подбородка, и лицом без единой морщинки! Когда гостя удалялась на такое расстояние, что уже не могла слышать их пересуды, они начинали яростно спорить о том, какие новые дорогие косметические процедуры, должно быть, опробовала миссис Янг.

В спальне Кэрол в привычном составе собрался кружок по изучению Библии: Дейзи Фу, Лорена Лим, Надин Шоу. Все

ждали Элино́р. Здесь, укывшись от палящей экваториальной жары, закадычные подруги рассаживались в разных углах комнаты и анализировали строки Библии из своих учебных пособий. Почетное место на массивной кровати, изготовленной из редкой породы дерева хуанхуали²² еще при династии Цин, было зарезервировано для Элино́р. Хотя Кэрол и вышла замуж за миллиардера-финансиста, но все равно считалась с мнением подруги.

Так повелось еще с детства, когда они росли по соседству на Серангун-роуд. Кэрол, происходившая из семьи, где все говорили исключительно на китайском, чувствовала себя ниже по положению, чем Элино́р, которую с детства обучали английскому. Остальные дамы тоже выражали ей свое почтение. Они вышли замуж очень и очень удачно, однако Элино́р заткнула всех за пояс, став миссис Филип Янг.

Сегодня на ланч для начала подали тушеных перепелок и морские ушки с домашней лапшой, и Дейзи (вышедшая замуж за каучукового магната К. Т. Фу, урожденная Вонг, из ипохских²³ Вонгов) старалась отделить крахмальную лапшу и параллельно отыскать Первое послание к Тимофею в своей Библии короля Якова. С этой своей химией и очками для чтения без оправы, нацепленными на кончик носа, Дей-

---

²² *Буквально:* «желтое цветущее дерево», чрезвычайно редкий вид палисандра, ныне практически вымерший. В последние десятилетия такая мебель стала очень востребованной взыскательными коллекционерами. В конце концов, это так хорошо сочетается с модерном середины прошлого века! – *Примеч. автора.*

²³ *Ипох* – город в Малайзии, столица штата Перак.

зи напоминала директора школы для девочек. Она была самой старшей среди дам, ей уже исполнилось шестьдесят четыре. Остальные читали Новую американскую стандартную Библию, а Дейзи настаивала на том, что будет работать по своей версии, со словами:

– Я ходила в школу при монастыре, меня учили монашки, так что для меня существует только Библия короля Якова, и точка.

Капельки чесночного соуса брызнули на страницу, похожую на салфетку, но Дейзи умудрялась одной рукой держать открытое Писание, а другой ловко управляться с палочками из слоновой кости.

Надин тем временем увлеченно листала собственную Библию – последний выпуск «Сингапур татл»²⁴. Каждый месяц ей не терпелось узнать, сколько фотографий ее дочери Франчески, знаменитой наследницы «империи Шоу», появится в разделе «Soirées»²⁵. Сама Надин, с макияжем в стиле театра кабуки, серьгами размером с тропические фрукты и пережженными волосами, частенько мелькала на страницах журнала, посвященных социальным проектам.

– Ай-я, Кэрол, тут аж две страницы про благотворительный модный показ для «Помощников Христа»! – воскликнула Надин.

---

²⁴ Автор использует сокращенное название известного модного журнала «Tatler» (*англ.* tattle – сплетни, tatler – сплетник, болтун).

²⁵ Вечеринки (*фр.*).

– Уже? Не думала, что материал выйдет так быстро, – заметила Кэрол.

В отличие от Надин, она всегда стеснялась, увидев свои фото на страницах модных журналов, несмотря на то что редакторы обожали ее «внешность классической шанхайской певицы». Кэрол просто чувствовала себя обязанной посещать несколько благотворительных гала-концертов каждую неделю, как подобает любому добропорядочному христианину, да и муж постоянно напоминал, что «быть матерью Терезой полезно для бизнеса».

Надин изучала глянцевые страницы.

– Лена Тек реально набрала вес после этого ее круиза по Средиземноморью, да? Наверное, это все из-за питания по системе «шведский стол». Всегда кажется, что нужно съесть побольше, чтобы отбить свои деньги. Ей стоило быть поаккуратнее. У всех женщин в их семье в итоге жирные лодыжки.

– Думаю, ей плевать на то, что у нее жирные лодыжки. Знаешь, сколько она унаследовала после смерти отца? По слухам, она и пятеро ее братьев получили по семьсот миллионов *каждый*! – подала голос Лорена со своей кушетки.

– И это все? Я-то думала, у Лены как минимум миллиард, – фыркнула Надин. – Странно, Элли, что нет ни одной фотографии твоей очаровательной племянницы Астрид. Помнится, фотографы кружили вокруг нее роем в тот день.

– Зря только время теряли. Снимки Астрид никогда нигде

не публикуются. Ее мать заключила сделку с редакторами всех журналов, когда Астрид была еще подростком, – объяснила Элинор.

– Зачем, ради всего святого?

– Ты же знаешь семью моего мужа? Они скорее умрут, чем появятся в прессе.

– Они слишком важные, чтобы их видели рядом с другими сингапурцами? – возмутилась Надин.

– Ай-я, Надин, есть разница между важностью и осторожностью, – прокомментировала Дейзи, отлично зная, что семьи вроде Леонг и Янг маниакально охраняют свою частную жизнь.

– Важная она или нет, а лично мне Астрид кажется чудесной, – встряла Кэрол. – Знаете, не стоит этого говорить, однако Астрид выписала самый большой чек во время сбора средств и настаивала на анонимности. Благодаря ее пожертвованию показ имел рекордный успех.

Элинор окинула взглядом хорошенькую новую горничную из материкового Китая, которая вошла в комнату. Интересно, эту девушку тоже подобрало то «агентство по трудоустройству», которое дато часто посещал в Сучжоу, славившемся своими красавицами на весь Китай?

– Что у нас сегодня? – спросила она Кэрол, когда горничная поставила перед кроватью знакомый громоздкий перламутровый сундук.

– Ой, я хотела показать вам, что приобрела во время пу-

тешества в Бирму.

Элино́р охотно подняла крышку сундука и начала методично вытаскивать футляры, обитые черным бархатом. Одним из любимых занятий в ходе «изучения Библии по четвергам» было рассматривание последних приобретений Кэро́л. Вскоре кровать была завалена футлярами; на черном бархате ослепительно сияли драгоценности.

– Какие затейливые кресты! Вот уж не думала, что в Бирме такие делают.

– Нет, кресты от Гарри Уинстона²⁶, – поправила Кэро́л. – Из Бирмы рубины.

Лорена оторвалась от трапезы, подошла к кровати и подняла один из рубинов величиной с плод личи к свету.

– Ай-я, в Бирме нужно держать ухо востро, поскольку многие тамошние рубины синтетические – именно так производители достигают ярко-алого оттенка.

Лорена могла рассуждать о подобных вещах со знанием дела, поскольку была замужем за Лоуренсом Лимом, владевшим ювелирным домом «Л’Ориент».

– Я думала, рубины из Бирмы самые лучшие, – посетовала Элино́р.

– Дамы, перестаньте называть страну Бирмой. Она уже двадцать с лишним лет как Мьянма, – заметила Дейзи.

– Аламак! Ты совсем как Ник! Он меня постоянно по-

---

²⁶ *Гарри Уинстон* – американский производитель ювелирных украшений и наручных часов класса люкс.

правляет, – сказала Элинора.

– Кстати, о Нике. Когда он прилетает из Нью-Йорка? Он же шафер на свадьбе Колина Ху?

– Да-да. Но ты же знаешь моего сына. Я всегда обо всем узнаю последней, – пожаловалась Элинора.

– Он остановится у вас?

– Да, он сначала всегда останавливается у нас, а потом перебирается к нашей Старой Леди, – сказала Элинора, называя свекровь ее прозвищем.

– Ну... – запнулась Дейзи и продолжила, слегка понизив голос: – А как Старая Леди поступит с его гостьей?

– О чем ты? С какой еще гостьей? – не поняла Элинора.

– С той... которую... он везет на свадьбу, – медленно проговорила Дейзи, с озорным видом переводя взгляд с одной дамы на другую. Она знала, что все в курсе, о ком речь.

– Так о ком ты говоришь? Кого он везет? – Элинора была несколько сбита с толку.

– Свою девушку, лах! – открыла секрет Лорена.

– Какую еще девушку?! Нет у Ника никакой девушки! – упорствовала Элинора.

– Почему тебе так трудно поверить, что у твоего сына есть подружка? – поинтересовалась Лорена.

Она всегда считала Ника самым завидным женихом среди молодых людей его поколения, с учетом состояния Янгов; жаль только, что ее никчемная дочь Тиффани так и не смогла привлечь его.

– Но ты же слышала о той девушке? Ну, из Нью-Йорка? – прошептала Дейзи. Ее очень радовала возможность сообщить последние известия Элиноর.

– Американка? Да Ники ни за что не осмелился бы на такое! Дейзи, твоя информация всегда не слишком точна.

– О чем ты? Очень даже точно! Сведения получены из самых надежных источников. В любом случае я слышала, что она китаянка.

– Правда? И как ее зовут? Откуда она? Дейзи, если ты скажешь мне, что она из материкового Китая, меня хватит удар, – предупредила Элинор.

– Я слышала, что она из Тайваня, – осторожно предположила Дейзи.

– О господи! Надеюсь, это не одна из этих тайваньских «ураганок»! – прокудахтала Надин.

– Что ты имеешь в виду?! – спросила Элинор.

– Ты же знаешь, какие нахалки бывают эти тайваньки! Цепляет такая несчастного парня, бедолага влюбляется по уши, а красотки уже и след простыл, но при этом она обирает его до последнего доллара. Словно ураган, который сметает все вчистую, – объяснила Надин. – Я знаю, сколько мужчин пали жертвой этих девиц, – например, Джеральд, сын миссис Тан. Жена его обчистила и сбежала со всеми семейными драгоценностями. Или вот бедняжка Энни Сим, у нее муж переметнулся к ресторанной певичке из Тайбэя.

В этот момент в комнату вошел муж Кэрол.

– Привет, дамы! Как сегодня кружок Иисуса? – попыхивая сигарой и крутя бокал виски, процедил толстяк. Он выглядел как карикатура на азиатского воротилу бизнеса.

– Приветствую, дато! – откликнулись хором все дамы, быстро меняя позу, чтобы выглядеть более привлекательно.

– Дато! Дейзи хочет, чтобы меня хватил удар! Говорит всем, что Ник завел себе новую подружку с Тайваня! – воскликнула Элино́р.

– Расслабься, Лили. Тайваньки милашки. Они знают, как окружить парня заботой. Может быть, она окажется посимпатичнее, чем эти избалованные, рожденные в кровосмесительном браке девицы, с которыми ты все пытаешься свести сына, – осклабился дато. – В любом случае... – продолжил он, внезапно понизив голос, – на твоём месте я бы поменьше беспокоился о юном Николасе, а побольше волновался бы сейчас о будущем «Сина лэнд».

– А что не так с «Сина лэнд»? – спросила Элино́р.

– Скоро рухнет, – с довольной улыбкой заявил дато.

– Но это же голубые фишки²⁷. Как такое возможно? Брат даже говорил, что у них новые проекты в Западном Китае, – возразила Лорена.

– Как уверяет мой источник, китайское правительство заморозило ту огромную застройку в Синьцзяне. Я избавляюсь от акций, по сто тысяч каждый час, пока рынок не закрыл-

---

²⁷ *Голубые фишки* – акции наиболее крупных, ликвидных и надежных компаний со стабильными показателями доходности, а также сами эти компании.

ся. – С этими словами дато пыхнул кубинской сигарой «Кобиба» и нажал кнопку рядом с кроватью.

Огромная стеклянная стена, обращенная к сверкающему бассейну, наклонилась под углом сорок пять градусов, словно дверь гаража. Дато неуклюже выбрался в сад и направился к главному дому.

На несколько секунд в комнате повисла мертвая тишина. Можно было услышать, как шестеренки в голове каждой из дам закрипели от перегрузки. Внезапно Дейзи вскочила с кресла, опрокинув поднос с лапшой на пол:

– Быстрее! Быстрее! Где моя сумочка? Мне нужно позвонить брокеру!

Элинор и Лорена тоже полезли за мобильными телефонами. Надин поставила номер брокера на быстрый набор и проорала в трубку:

– Продавай все акции! «СИНА ЛЭНД»! Да! Сбрасывай все! Я только что узнала из первых рук, что компания скоро рухнет!

Лорена на другом конце кровати прикрывала рукой мобильный:

– Дезмонд, мне плевать! Пожалуйста, начинай сбрасывать акции прямо сейчас!

У Дейзи от волнения началась гипервентиляция.

– У меня сейчас сердце лопнет! Я вот-вот потеряю миллионы! Где этот чертов брокер?! Только не говорите, что этот придурок еще обедает.

Кэрол спокойно потянулась к сенсорной панели у туалетного столика и вызвала прислугу:

– Мэймэй, пожалуйста, зайди и прибери тут.

Затем она закрыла глаза, воздела руки и начала молиться вслух:

– Господь Спаситель наш, да святится имя Твое. Смиренно просим Тебя о прощении и отпущении грехов. Благодарим за милость, которую Ты нам щедро посылаешь. Благодарим за общение, которое мы сегодня разделили, за трапезу, которой мы насладились, за силу Священного Писания. Пожалуйста, посмотри за дорогими сестрами Элино́р, Лореной, Дейзи и Надин, пока они пытаются продать свои акции «Сина лэнд»...

Кэрол открыла глаза на мгновение и с удовлетворением отметила, что, по крайней мере, Элино́р присоединилась к молитве. Но конечно, Кэрол не могла знать, что безмятежно сомкнувшая веки Элино́р молилась о чем-то совершенно другом. «Тайванька! Пожалуйста, Боже, пусть это окажется неправдой».

3

Рейчел Чу

Нью-Йорк

В Купертино уже наступило время после ужина. Рейчел потянулась к телефону – у нее вошло в привычку в те вечера, когда она не оставалась у Николаса, звонить матери перед сном.

– Угадай, кто только что завершил сделку по тому громадному особняку на Лорел-Глен-драйв? – радостно похвасталась Керри Чу по-китайски, когда взяла трубку.

– Ух ты, мамочка! Мои поздравления! Это твоя третья продажа в этом месяце? – спросила Рейчел.

– Ага! Я побила рекорд нашего офиса за прошлый год! Я знала, что сделала правильный выбор, когда согласилась присоединиться к Мими Шэнь в отделении фирмы в Лос-Анджелесе! – с удовлетворением сказала Керри.

– Ты снова получишь звание «Агент года», я не сомневаюсь! – ответила Рейчел, взбивая подушку. – У меня тоже есть для тебя новость... Ник пригласил меня поехать с ним летом в Азию.

– Правда? – Голос Керри стал ниже на октаву.

– Мам, только не начинай ничего придумывать, – предупредила Рейчел, которой была отлично знакома эта интонация.

– Придумывать? О чем ты? Когда ты в прошлом году привела Ника к нам на День благодарения, все, кто видел, как вы воркуете, сказали: вот идеальная пара. Теперь его очередь познакомить тебя с родными. Думаешь, он сделает тебе предложение? – выпалила Керри, не сумев сдержаться.

– Мам, мы никогда не говорили о свадьбе, – сказала Рейчел, попытавшись приглушить восторг матери.

Вообще-то, она сама волновалась, гадая, что может сулить поездка, но не собиралась пока что обнадеживать мать. Керри чересчур много инвестировала в счастье дочери, и той не хотелось, чтобы мама слишком уж размечталась.

Но Керри уже была полна радостных предвкушений:

– Доченька, я знаю таких мужчин, как Ник. Он может сколько душе угодно притворяться ученым с богемными взглядами, но в глубине души он примерный семьянин. Хочет дом и много детишек, так что нечего время терять.

– Мам, прекрати!

– Сколько раз в неделю ты остаешься у него ночевать? Я поражена, что вы до сих пор не съехались.

– Ты единственная из знакомых мне китайских мам, которая подталкивает дочку сожительствовать с парнем, – засмеялась Рейчел.

– Я единственная китайская мама, у которой незамужняя

дочка почти тридцати лет от роду. Знаешь, меня каждый день допрашивают с пристрастием. Я пытаюсь тебя защищать. Вчера столкнулась в кафе с Минь Чун, и она мне заявила: «Знаю, ты хотела, чтобы твоя девочка для начала сделала карьеру, но не пора ли ей замуж?» Ты слышала, что ее дочка Джессика помолвлена с парнем номер семь на «Фейсбуке», да?

– Да-да, я в курсе. Вместо того чтобы подарить ей кольцо, он учредил стипендию ее имени на обучение в Стэнфорде, – протянула Рейчел скучающим тоном.

– А она вовсе не такая хорошенькая, как ты! – с возмущением воскликнула Керри. – Все твои дядюшки и тетушки уже давно отчаялись, но я всегда знала, что ты просто ждешь подходящего человека. Разумеется, нужно выбрать профессора сродни тебе. По крайней мере, вашим детям дадут скидку на обучение. Это единственный способ дать им образование в колледже.

– Кстати, о дядюшках и тетушках. Обещай, что пока никому не проболтаешься. Пожалуйста! – взмолилась Рейчел.

– Ой, ну ладно. Я знаю, ты всегда такая осторожная и не хочешь разочароваться, но просто в душе я предчувствую, что будет дальше, – весело заявила мама.

– Ну, пока *ничего* не произошло, не стоит делать из мухи слона, – настаивала Рейчел.

– А где вы остановитесь в Сингапуре?

– Думаю, у его родителей.

– А у них дом или квартира?

– Понятия не имею.

– Нужно выяснить!

– Какая разница? Ты собираешься продать им дом в Сингапуре?

– Я тебе скажу, какая разница. Ты знаешь, как вас уложат?

– Уложат? О чем ты, мам?

– Ай-я! Ты в курсе, есть ли там гостевая спальня, или ты будешь спать с ним в одной кровати?

– Мне даже в голову не приходило...

– Доченька, это очень важно. Нельзя рассчитывать, что родители Ника такие же либеральные, как я. Ты едешь в Сингапур, а сингапурцы китайского происхождения – самые консервативные из всех. Не хочу, чтобы его родители решили, что я тебя плохо воспитывала.

Рейчел вздохнула. Она знала, что мама желает ей добра, но, как обычно, та заострила внимание на каких-то незначительных деталях.

– А еще надо придумать подарок для родителей Ника, – с жаром продолжала Керри. – Выясни, какие напитки нравятся его отцу. Скотч? Водка? Виски? У меня осталась куча неоткупоренных бутылок «Джонни Уокера» после рождественской вечеринки в офисе, могу прислать тебе одну.

– Мам, я не собираюсь везти спиртное, которое они могут купить и там. Нужен идеальный подарок, что-то типично американское...

– Ой, я придумала презент для матери Ника! Тебе нужно в «Мейсис»²⁸ купить компактную пудру от «Эсте Лаудер». У них сейчас специальное предложение: покупаешь пудру и получаешь в подарок дорогую на вид кожаную косметичку с пробниками помады, духов и крема для век. Поверь мне, любая азиатская женщина будет счастлива получить бесплатные пробники...

– Не волнуйся, мам. Я позабочусь об этом.

---

²⁸ «Мейсис» – одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.

4

Николас Янг

Нью-Йорк

Ник, ссутулившись на потрепанном кожаном диване, проверял курсовые работы студентов, когда Рейчел непринужденным тоном спросила:

– Что там по поводу поездки? Мы ведь остановимся у твоих родителей? В одной спальне? Или же они будут шокированы...

Ник поднял голову:

– Хм... Думаю, мы займем одну комнату...

– Думаешь или уверен?

– Не беспокойся, приедем и все порешаем.

Порешаем. Обычно британские словечки из уст Ника казались ей милыми, но сейчас это «порешаем» немного покорило ее. Почувствовав настроение Рейчел, Ник встал, подошел к ней и нежно поцеловал в макушку:

– Расслабься... Мои родители не из тех, кого волнует, кто где спит.

Рейчел задумалась, правда ли это. Она попыталась вернуться к изучению сайта Государственного департамента с

рекомендациями для путешествующих по Юго-Восточной Азии. Пока она сидела перед ноутбуком и на ее лицо падал свет от монитора, Ник не переставал изумляться, как же прекрасно выглядит его девушка даже в конце долгого тяжелого дня. За что ему такое везение? Все в ней – свежие щеки, словно после утренней пробежки по пляжу, ниспадающие до плеч волосы цвета обсидиана – излучало естественную, простую красоту, и это разительно отличало Рейчел от девушек, готовых в любой момент выйти на красную ковровую дорожку. Именно такие юные особы окружали Ника с детства.

Сейчас Рейчел, слегка нахмурившись, рассеянно водила указательным пальцем по верхней губе. Ник отлично знал этот жест. Что ее беспокоит? Несколько дней назад он пригласил Рейчел поехать в Азию, и с тех пор вопросы сыпались без конца. Где они остановятся? Какой подарок привезти его родителям? Что Ник рассказывал о ней? Нику хотелось бы, чтобы ее блестящий аналитический ум перестал заикливаться на каждой детали будущей поездки. Он начал понимать, что Астрид была права. Астрид – не только двоюродная сестра, но и самый близкий его друг. Ей первой он рассказал об идее пригласить Рейчел в Сингапур, когда неделю назад разговаривал с кузиной по телефону.

– Прежде всего ты должен осознать, что ваши отношения сразу же перейдут на новый уровень. Ты действительно этого хочешь? – спросила Астрид в упор.

– Нет. Ну... может быть. Это же просто летние каникулы.

– Слушай, Ник. Это уже не «просто летние каникулы». Женщины устроены совсем иначе, и ты это знаешь. Вы встречаетесь уже почти два года, и у вас все серьезно. Тебе тридцать два, и до сих пор ты *никогда* не привозил никого домой. Это самое важное. Все решат, что скоро...

– Прошу тебя, – предупредил Ник, – не произноси слово на букву «с».

– Ну ты же понимаешь, что все подумают *именно* об этом. Более того, ручаюсь, Рейчел тоже так подумает.

Ник вздохнул. Почему все так сложно? Когда он пытается взглянуть на ситуацию глазами женщины, всегда возникают трудности. Возможно, позвонить Астрид было плохой идеей. Она старше его всего на полгода, но слишком часто «переключается в режим старшей сестры». Он предпочел бы иметь дело с Астрид озорной и безрассудной – такова была другая сторона ее натуры.

– Я просто хотел показать Рейчел свой мир, не строя далекоидущих планов, – попытался объяснить он. – Думаю, в глубине души мне интересно, какая у нее будет реакция на это.

– Под «этим» ты имеешь в виду семью, – уточнила Астрид.

– Не только нашу семью. Друзей, остров, все в целом. Неужели я не могу просто поехать на каникулы со своей девушкой, без дипломатического скандала?!

Астрид помолчала немного, пытаясь осмыслить ситуа-

цию. Это самые серьезные отношения, которые у брата когда-либо были. Пусть он пока не готов признаться в этом самому себе, однако она понимала, что, по крайней мере на подсознательном уровне, Ник делает следующий решающий шаг к алтарю. Но шаг этот необходимо делать очень и очень осторожно. Действительно ли Ник готов ступить на минное поле? Наверное, он даже не понимает, в каком запутанном мире ему довелось родиться. Возможно, его всегда оберегала их бабушка, поскольку Ник был ее любимчиком, или же он провел слишком много лет за пределами Азии. В их мире *нельзя* привезти домой без спроса незнакомую девушку.

– Ты знаешь, я считаю Рейчел очаровательной. Правда. Но если ты пригласишь ее домой, то это изменит ваши взаимоотношения, нравится тебе это или нет. Я не волнуюсь за будущее ваших отношений, поскольку уверена, что они не затрещат по швам. Меня больше беспокоит, как отреагируют все остальные. Ты же знаешь, какой у нас маленький остров. Я не представляю, что будет с... – Голос Астрид внезапно был заглушен воем полицейских сирен.

– Какой странный шум. Где ты? – спросил Ник.

– На улице, – ответила Астрид.

– В Сингапуре?

– Нет. В Париже.

– Что? В Париже? – удивился Ник.

– Ну да. Я на улице Берри, только что проехали две полицейские машины с мигалками.

– Я-то думал, ты в Сингапуре. Прости за поздний звонок, я считал, что у тебя утро.

– Нет-нет, все нормально. Сейчас только половина второго. Я возвращаюсь в отель.

– Майкл с тобой?

– Нет, он в Китае – в командировке.

– А что ты делаешь в Париже?

– Это моя ежегодная весенняя поездка.

– Точно.

Ник совсем забыл, что Астрид каждый апрель проводила в Париже, занимаясь подгонкой обновок от-кутюр. Однажды брат с сестрой договорились там встретиться, и Ник до сих пор помнил, как утомился, сидя в ателье «Ив Сен-Лоран» на авеню Марсо и наблюдая за тремя портнихами, сутившимися вокруг Астрид. Она стояла с отсутствующим видом в каком-то воздушном одеянии и жадно глотала диетическую колу, чтобы преодолеть утомление из-за смены часовых поясов. Астрид напоминала фигуру с барочных картин, испанскую инфанту XVII века, которую наряжают, как того требует ритуал. По словам Астрид, это был «скучный» сезон и она приобрела «все-то» двенадцать платьев, потратив больше миллиона евро. Ник даже думать не хотел о том, сколько денег сестра спустит в этом своем вояже, – ведь обуздать ее было некому.

– Скучаю по Парижу. Сто лет там не был. Помнишь наше безумное путешествие с Эдди? – спросил он.

– Ой, не напоминай. В последний раз я делила номер с этим козлом!

Астрид поежилась. Нет, никогда ей не забыть гонконгского кузена, заказавшего стриптизершу с ампутированной ногой и горы профитролей!

– Ты остановилась в пентхаусе в «Георге Пятом»?

– Как обычно.

– Ты человек привычки. Совершить на тебя покушение – раз плюнуть.

– Почему бы тебе не попробовать?

– Ну, когда в следующий раз поедешь, предупреди меня. Я быстренько перелечу через Атлантику со специальным комплектом наемного убийцы.

– Вырубишь меня, уложишь в ванну и зальешь кислотой?

– Нет, для тебя найдется куда более элегантное решение.

– Ну так приезжай и поймай меня. Я тут буду до начала мая. У тебя вроде какие-то каникулы намечаются. Не хочешь привезти Рейчел в Париж на выходные?

– Хотел бы. Однако каникулы уже были в прошлом месяце, а у доцентов на временных ставках нет дополнительных выходных. Но у нас с Рейчел все лето впереди, поэтому я и пригласил ее к нам домой.

Астрид вздохнула:

– Ты знаешь, что произойдет в ту же минуту, когда ты высадишься из самолета в аэропорту Чанги с девушкой под ручку? Ты в курсе, какой ужас пришлось пережить Майклу,

когда мы начали выходить в свет. Это было пять лет назад, а он до сих пор не привык. Ты правда считаешь, что Рейчел готова к такому? А ты сам-то готов?

Ник молчал. Он внимательно слушал Астрид, но решение было принято. Он готов. Он без памяти влюблен в Рейчел, и пора показать ее всему миру.

– Ник, а что конкретно она знает? – спросила Астрид.

– О чем?

– О нашей семье.

– Не многое. Ты единственная, с кем она знакома. Рейчел считает, что у тебя потрясающий вкус в выборе обуви и что муж тебя избаловал. Вот и все.

– Наверное, стоит ее подготовить! – засмеялась Астрид.

– А к чему тут готовиться? – весело спросил Ник.

– Слушай, Ники. – Тон Астрид стал серьезным. – Нельзя просто взять и бросить Рейчел, как котенка в море. Ты *должен* ее подготовить, слышишь меня?!

Астрид Леонг

Париж

Ежегодно первого мая семья банкиров Лерм-Пьер, одна из самых богатых во Франции, устраивала Ландышевый бал – роскошный прием, считавшийся ярчайшим событием весны. Астрид ступила в арочный проход, ведущий в потрясающий *hôtelparticulier*²⁹ на острове Сен-Луи³⁰, принадлежащий хозяевам вечера, и тут же лакей в шикарной черной с золотом ливрее вручил ей нежный букетик весенних цветов.

– Знаете ли, это традиция восходит к Карлу Девятому. Он дарил ландыши всем дамам во дворце Фонтенбло первого мая, – объяснила ей какая-то женщина в диадеме.

Они вышли во двор, где среди подстриженных в классическом стиле деревьев парили сотни миниатюрных монгольфьеров. Не успела Астрид насладиться прекрасным зрелищем, как на нее налетела виконтесса Натали де Лерм-Пьер.

– Как я рада, что ты смогла выбраться! – проворковала

---

²⁹ Частный особняк (*фр.*).

³⁰ *Сен-Луи* – меньший из двух сохранившихся островов Сены в центре Парижа, место проживания самых богатых парижан.

она, приветствуя Астрид четырьмя поцелуями в щеку. – Господи, это лен? Только ты можешь надеть простое льняное платье на бал, Астрид! – Хозяйка засмеялась, любуясь нежными греческими складками на светло-желтом платье гости. – Минуточку, это настоящее платье от мадам Гре?!³¹ – Натали не сразу сообразила, что видела такое же в Музее Гальера.

– Да, из ранних работ, – ответила Астрид, почти смутившись, что кто-то это заметил.

– Ну конечно! Боже мой, Астрид, ты снова превзошла саму себя. Как, ради всего святого, тебе удалось заполучить платье самой мадам Гре? – спросила Натали с благоговением, но потом спохватилась и прошептала: – Надеюсь, ты не станешь возражать, но я посадила тебя рядом с Грегуаром. Он сегодня увивается за каждой юбкой, поскольку считает, что я все еще сплю с хорватом. Ты единственная, кому я могу доверить его за ужином. Но по крайней мере, слева от тебя будет Луи.

– Не волнуйся за меня, мне всегда нравилось общаться с твоим мужем, а сидеть рядом с Луи и вовсе сплошное удовольствие. Я на днях видела его новый фильм.

– Вычурная скукотища, не находишь? Отвратительная черно-белая картинка, но хотя бы сам Луи выглядел аппетитно без одежды. В любом случае спасибо, ты меня спас-

---

³¹ *Аликс Гре* (1903–1993) – знаменитый модельер, считалась королевой драпировок.

ла. Уверена, что тебе нужно уехать завтра? – Хозяйка надула губки.

– Я и так тут провела почти месяц. Боюсь, сын меня не вспомнит, если я останусь еще хоть на день, – ответила Астрид.

Ее проводили в грандиозный вестибюль, где свекровь Натали, графиня Изабель де Лерм-Пьер, возглавляла группу встречающих. При виде Астрид графиня еле слышно ахнула:

– Астрид, *quelle surprise!* Какой сюрприз!

– Да, не была уверена до последней минуты, что смогу присутствовать, – извиняющимся тоном сказала Астрид, улыбаясь чопорной пожилой даме, стоявшей рядом с графиней Изабель.

Дама не улыбнулась в ответ, лишь наклонила голову и внимательно оглядела Астрид с ног до головы. В длинных мочках ушей покачивались гигантские изумрудные серьги.

– Это Астрид Леонг! Астрид, позволь тебе представить мою дорогую подругу баронессу Мари-Элен де ла Дюрэ.

Баронесса коротко кивнула, а потом продолжила разговор с графиней. Когда Астрид двинулась дальше, Мари-Элен сказала Изабель вполголоса:

– Ты заметила, какое на ней ожерелье? Видела такое в магазине «ЖАР»³². Просто невероятно, что дарят этим девицам в наши дни. Скажи мне, Изабель, с кем она?

– Мари-Элен, Астрид не содержанка. Мы знаем ее семью

---

³² «ЖАР» – ювелирный дом Жоэля Артура Розенталя.

много лет.

– Ого! И что это за семья? – удивилась Мари-Элен.

– Леонг. Китайцы из Сингапура.

– Да, я слышала, что китайцы сейчас богатеют. Читала, что в Азии уже намного больше миллионеров, чем во всей Европе. Кто бы мог подумать!

– Нет-нет, боюсь, ты плохо поняла. Семья Астрид была зажиточной на протяжении многих поколений. Ее отец – один из самых важных клиентов Лорана.

– Дорогая, ты собираешься снова выболтать все мои секреты?! – поинтересовался граф Лоран де Лерм-Пьер, присоединяясь к супруге, чтобы встречать гостей.

– Вовсе нет. Просто просвещаю Мари-Элен, кто такие Леонги, – прощепетала Изабель, стряхивая пылинку с лацкана мужа.

– Ах, Леонги? Неужели очаровательная Астрид сегодня с нами?

– Вы разминулись. Но не волнуйся. Ты сможешь весь вечер строить ей глазки через стол, – поддразнила его Изабель, а потом объяснила Мэри-Элен: – Муж и сын много лет одержимы Астрид.

– А почему бы и нет? Такие девушки, как Астрид, существуют, чтобы терять от них голову, – сказал Лоран.

Изабель шлепнула мужа по руке с притворным гневом.

– Лоран, объясни, как так вышло, что эти китайцы богаты на протяжении нескольких поколений? – поинтересовалась

Мари-Элен. – Я-то думала, что все они махровые коммунисты без гроша за душой и еще совсем недавно маршировали в одинаковой униформе по приказу Мао.

– Ну, для начала ты должна понимать, что существуют китайцы двух типов. Первые – богачи из материкового Китая, которые сколотили состояние за последний десяток лет, как новые русские. Но есть еще и китайцы, живущие за рубежом, так называемые хуацяо. Они покинули родину задолго до того, как к власти пришли коммунисты, некоторые аж пару сотен лет назад, и расселились по всей Азии, тихонько приумножая свои богатства. Если ты посмотришь на все государства в Юго-Восточной Азии, особенно на Таиланд, Индонезию и Малайзию, то увидишь, что практически вся торговля контролируется хуацяо. Лимы в Индонезии, Таны на Филиппинах, Леонги в...

Тут его перебила жена:

– Вот что я тебе скажу. Мы были несколько лет назад в гостях у семьи Астрид. Ты даже не можешь себе представить, насколько богаты эти люди, Мари-Элен. Дома, слуги, их образ жизни... На их фоне даже Арно³³ нищebroды. Больше того, мне говорили, что Астрид – наследница сразу двух состояний, потому что по материнской линии капитал еще совсем...

– Да что ты? – воскликнула Мари-Элен, взглянув на де-

---

³³ Речь о семье Бернара Арно – французского бизнесмена, одного из богатейших людей планеты.

вушку в другом конце зала с интересом, а потом вынесла вердикт: – Она довольно *soignée*³⁴.

– Ох, она невероятно элегантна. Одна из немногих девушек ее поколения, у кого есть вкус! – заявила графиня. – Франсуаза-Мари говорит, что у Астрид коллекция нарядов от лучших модных домов, которая не уступает гардеробу шейхи Катара. Астрид никогда не посещает показы, поскольку ненавидит, когда ее фотографируют, а отправляется прямиком в мастерские и скупает десятки платьев каждый сезон, как будто это не платья, а *macarons*³⁵.

Астрид рассматривала портрет кисти Бальтюса, висевший над камином в гостиной, когда за спиной раздался чей-то голос:

– Вы знаете, что это мать Лорана? – На сей раз баронесса Мари-Элен де ла Дюрэ пыталась приклеить улыбку на лицо.

– Я так и подумала, – кивнула Астрид.

– Дорогая, должна сказать, что мне очень нравится ваше ожерелье. На самом деле я влюбилась в него еще в салоне месье Розенталя несколько недель назад, но, увы, он сообщил, что уже обещал этот шедевр другой покупательнице, – сокрушалась баронесса. – Теперь-то мне понятно, что оно было создано специально для вас.

– Благодарю. А у вас просто потрясающие серьги, – вежливо ответила Астрид, которую поразила внезапная переме-

---

³⁴ Ухоженная (*фр.*).

³⁵ Печенье из яичных белков, сахара и молотого миндаля (*фр.*).

на в женщине.

– Изабель сказала мне, что они из Сингапура. Я много слышала о вашей стране. О том, что это азиатская Швейцария. Нынешним летом моя внучка собирается в путешествие по Азии. Может быть, вы окажете любезность и что-то ей посоветуете?

– Разумеется, – согласилась Астрид и подумала: «Ух ты, всего пять минут – и эта леди из заносчивой фифы превратилась в подлизу».

Она чувствовала досаду. Париж был для нее глотком свежего воздуха, она пыталась стать здесь невидимкой, затеряться в толпе бесчисленных азиатских туристов, которые наводняли бутики вдоль Фобур-Сент-Оноре. Именно эта роскошь анонимности и заставила Астрид полюбить Город огней. Несколько лет назад все изменилось. Родители, обеспокоенные тем, что Астрид живет одна на чужбине без доверенной компаньонки, совершили ошибку: они подняли по тревоге своих парижских друзей, в том числе семейство Лерм-Пьер. По городу поползли слухи, и внезапно Астрид перестала быть просто юной особой, снимающей лофт в историческом районе Маре, и превратилась в дочь Гарри Леонга, внучку Шан Суи. Это было так обидно! Разумеется, ей пора бы уже привыкнуть, что люди начинают обсуждать ее сразу после того, как она выходит из комнаты. Так было всегда.

Первая причина – самая очевидная: потрясающая красо-

та. Астрид не была похожа на обычных гонконгских старлеток с миндалевидными глазами, но и к типу звезд не принадлежала. Можно сказать, глаза Астрид были слишком широко поставлены, а подбородок – совсем как у родных по мужской линии с материнской стороны – чересчур выдавался вперед для девочки. Но каким-то образом эти черты вкупе с изящным носом, пухлыми губами и длинными волнистыми волосами создавали исключительно приятное зрелище. Астрид постоянно останавливали на улице представители модельных агентств, хотя мать всегда отшивала их. Астрид не собиралась работать моделью ни у кого, и уж точно не ради *денег*. Такие вещи были категорически ниже ее достоинства.

По второй, и куда более важной причине Астрид также отличалась от всех прочих: она родилась в самом верхнем эшелоне азиатской знати – это был круг избранных семей, обладающих огромным состоянием. Отец ее происходил из пинангских³⁶ Леонгов, древнего рода «китайцев пролива»³⁷,

---

³⁶ *Пинанг* (Пенанг) – штат в Малайзии.

³⁷ Известны также как перанаканцы. Это потомки китайских иммигрантов, оказавшихся в Малайе в XV–XVI веках и ставших элитой Сингапура. Они получили английское образование и были более лояльны к англичанам, чем к Китаю. Перанаканцы часто вступали в брак с коренными малайцами и создали в итоге уникальную культуру, гибрид китайского, малайского, английского, голландского и индийского влияний. Перанаканская кухня, давно ставшая краеугольным камнем сингапурской и малайзийской кулинарии, вошла в моду у гурманов Запада, хотя приезжие азиаты онемели от возмутительных цен, взимаемых в модных ресторанах. – *Примеч. автора.*

которые обладали монополией на производство пальмового масла. Вдобавок ее мать была старшей дочерью сэра Джеймса Янга и куда более величественной Шан Суи. Тетя Кэтрин вышла замуж за тайского принца, а другая тетка состояла в браке с известным гонконгском кардиологом Малкольмом Чэном.

Можно было часами расчерчивать династические связи на генеалогическом древе семьи Астрид, но с любой точки зрения ее происхождение было исключительным. Когда она заняла свое место за столом в длинной галерее особняка Лерм-Пьер, при свечах, в окружении севрского фарфора времен Людовика XV и картин Пикассо «розового периода», то даже не подозревала, какой неожиданный поворот вот-вот сделает ее жизнь.

6

Чэны

Гонконг

Большинство людей, проезжая мимо приземистого серовато-коричневого здания на оживленном перекрестке Ко-зуэй-Бей, решили бы, что это какое-то правительственное учреждение по охране здоровья, однако на самом деле Китайская спортивная ассоциация была одним из эксклюзивных частных клубов Гонконга. Несмотря на такое казенное название, это был первый китайский спорткомплекс на территории бывшей британской колонии. Президентом клуба стал легендарный игорный магнат Стэнли Ло, а желающие получить членство в клубе томились по восемь лет в листе ожидания, открытом лишь для самых знатных семей.

Общие помещения КСА казались напрочь застрявшими в конце семидесятых из-за обилия хрома и кожи, поскольку члены клуба проголосовали за то, чтобы потратить деньги на спортивное оборудование. За последние несколько лет только ресторан превратился в зал с парчовыми стенами бледно-розового цвета и окнами с видом на главные теннисные корты. Круглые столы весьма дальновидно расставили так,

чтобы сидящим за ними видна была входная дверь, – теперь почетные члены клуба могли эффектно появляться на публике, переодевшись после занятий, благодаря чему сами трапезы превращались в весьма зрелищные соревнования.

Каждое воскресенье все семейство Чэн без исключения собиралось на обед в КСА. Какой бы сумасшедшей ни выдалась неделя, все знали, что поедание димсамов в «клубе», как Чэны именовали заведение, обязательно для всех членов семьи, остававшихся в городе.

Доктор Малкольм Чэн был самым уважаемым кардиохирургом во всей Азии. Его ловкие руки ценились неимоверно, и он прославился тем, что всегда носил перчатки из кожи ягнят, изготовленные специально для него компанией «Данхилл», чтобы защитить руки всякий раз, когда он отваживался появиться на публике. Малкольм Чэн принял дополнительные меры предосторожности и не водил машину сам, предпочитая, чтобы за рулем его представительского седана «Роллс-Ройс Сильвер Спирит» сидел шофер.

Благовоспитанная супруга Малкольма Александра, которую все звали Алекс, урожденная Янг из Сингапура, считала подобную роскошь показной и предпочитала по возможности вызывать такси, а машиной с водителем эксклюзивно пользовался муж. Как говорила Алекс, «в конце концов, это он ежедневно спасает жизни людей, а я всего лишь домохозяйка».

Подобное самоуничтожение было типичным для Алексан-

дры, хотя она и являлась истинным творцом семейного состояния. Будучи скучающей женой практикующего доктора, Александра начала направлять каждый цент значительных заработков мужа на недвижимость как раз в тот момент, когда в Гонконге начался жилищный бум. У нее обнаружилось сверхъестественное чутье на веяния рынка, поэтому, начиная с нефтяного спада семидесятых, панической распродажи в середине восьмидесятых³⁸ и заканчивая азиатским финансовым кризисом 1997 года, Александра всегда скупала недвижимость по самой низкой цене, а продавала на пике. К середине первого десятилетия XXI века, когда квадратный фут гонконгской недвижимости стал стоить дороже, чем где-либо еще в мире, Чэны владели одним из крупнейших частных портфелей недвижимости на острове.

Воскресные обеды стали для Малкольма и его жены возможностью еженедельно проверить, как дела у детей и внуков, и к этой обязанности супруги отнеслись со всей серьезностью. Несмотря на все преимущества, которые имели их отпрыски, Малкольм и Александра не переставали беспокоиться о них (особенно Александра).

Их младший сын Алистер («безнадежный случай»), избалованный бездельник, с трудом окончивший Сиднейский университет, подвизался в киноиндустрии Гонконга. С

---

³⁸ В конце 1984 года после долгих переговоров была подписана Объединенная китайско-британская декларация по вопросу передачи Гонконга, на что рынокотреагировал паникой.

недавних пор он увлекся Китти Понг, звездой мыльных сериалов, которая утверждала, что происходит из «хорошей тайваньской семьи», в чем очень сомневались остальные Чэны, поскольку в речи этой девицы явно слышался североки-тайский акцент, а не жеманные нотки тайваньского наречия.

Их дочь Сесилия («наша лошадка») еще с подросткового возраста полюбила выездку и вечно кого-то объезжала – то норовистую кобылку, то норовистого супруга Тони, австралийского коммерсанта, которого Малкольм и Александра между собой называли Каторжанином. Сесилия считала себя «мамой на полной ставке», однако куда больше времени посвящала международному конному центру, чем своему сыну Джейку. Благодаря часам, проведенным с филиппинскими горничными, Джейк свободно говорил на тагальском и отлично исполнял песню Синатры «Мой путь»³⁹.

А еще был Эдди, первенец Александры и Малкольма. По всей видимости, Эдисон Чэн считался «совершенством». Он с отличием окончил Кембриджскую бизнес-школу, успел поработать в отделении банка «Кейзнов» в Лондоне и стал восходящей звездой в мире частного банковского сектора Гонконга. Эдди женился на Фионе Тан, происходившей из семьи с политическими связями, и у них подрастали трое очень прилежных, хорошо воспитанных детей. Но в глубине души

---

³⁹ Песня была безумно популярна в барах на Филиппинах, в настоящее время запрещена, поскольку минимум шесть человек были убиты во время ее исполнения за то, что фальшивили.

Александра больше всего беспокоилась именно об Эдди. В последние несколько лет он слишком много времени проводил с этими сомнительными миллиардерами из материкового Китая, каждую неделю летал по всей Азии, чтобы посещать вечеринки, и мать беспокоилась о том, как это может повлиять на его здоровье и семейную жизнь.

Сегодняшний обед был особенно важен, поскольку Александра хотела спланировать детали поездки в следующем месяце в Сингапур на свадьбу Ху. Впервые вся семья, включая родителей, детей, внуков, слуг и нянь, должна была путешествовать вместе, и Александра хотела, чтобы все прошло идеально. В час дня Чэны начали стекаться из разных уголков Гонконга: Малкольм – с матча по теннису в смешанном парном разряде; Александра – из церкви с Сесилией, Тони и Джейком; Фиона и ее отпрыски – от репетиторов; Алистер же встал с постели всего пятнадцать минут назад.

Эдди приехал последним. Он шел к столу и, как обычно, разговаривал по сотовому, громко треща на кантонском диалекте по блютус-гарнитуре и игнорируя родных. Наконец он дал отбой и сверкнул самодовольной улыбкой.

– Все улажено! Только что говорил с Лео, и он хочет, чтобы мы воспользовались его частным самолетом, – заявил Эдди, говоря о своем лучшем друге Лео Мине.

– Чтобы мы слетали в Сингапур? – уточнила Александра.

– Да, конечно!

Фиона тут же возразила:

– Я не уверена, что это хорошая идея. Во-первых, я действительно не думаю, что нужно всей семьей лететь в одном самолете. А вдруг крушение? Во-вторых, не стоило бы просить об одолжении Лео.

– Я знал, что ты так скажешь, Фи, – начал Эдди, – поэтому заранее продумал план: папа с мамой полетят вместе с Алистером, Сесилия, Тони и Джейк отправятся вместе с нами на следующий день, а чуть позже гувернантки привезут наших детей.

– Это уж слишком. Как тебе в голову могло прийти гонять самолет Лео туда-сюда?! – воскликнула Фиона.

– Фи, он мой лучший друг, и ему плевать, сколько раз мы будем, как ты выражаешься, гонять самолет туда-сюда!

– А что за самолет? «Гольфстрим»? «Фалькон»? – заинтересовался Тони.

Сесилия вонзила ногти в предплечье мужа, разозлившись, что он проявляет подобный пыл, и встряла в разговор:

– А почему ваши дети летят отдельно, а мой сын с нами?

– А Китти? Она тоже полетит? – негромко спросил Алистер.

Все за столом в ужасе уставились на него.

– Ты совсем сбрендил?! – выругался на кантонском Эдди.

Алистер возмутился:

– Я уже ответил на приглашение. Да и Колин сказал, что с нетерпением ждет знакомства. Она звезда, и я...

– Ну, на Новых Территориях⁴⁰ парочка идиотов из тех, кто смотрит дешевые мыльные оперы, может, и в курсе, кто она такая, но, поверь, в Сингапуре о ней слухом не слыхивали, – прервал брата Эдди.

– Неправда, она одна из быстро восходящих азиатских звезд. Но это не столь важно. Я хочу, чтобы вся наша сингапурская родня с ней познакомилась, – брякнул Алистер.

Александра спокойно обдумала свое заявление, но решила выигрывать поединки по одному.

– Фиона права. Мы не можем одолжить самолет семьи Мин на два дня подряд! На самом деле я вообще считаю неуместным лететь на частном самолете. Кто мы такие?!

– Между прочим, папа – один из самых знаменитых кардиохирургов в мире! А ты, можно сказать, из сингапурской королевской семьи! Что такого, если мы полетим на частном бизнес-джете?! – воскликнул Эдди, так оживленно жестикулируя, что чуть было не ударил официанта, который подошел сзади и собирался выставить на стол целую башню бамбуковых пароварок с димсамами.

– Дядя Эдди! Аккуратно! Позади тебя еда! – заверещал его племянник Джейк.

Эдди бросил взгляд из-за плеча, а потом продолжил свою гневную тираду:

---

⁴⁰ *Новые Территории* – одна из трех частей специального административного района Гонконг, помимо которой выделяют также собственно остров Гонконг и Коулун.

– Почему ты всегда так себя ведешь, мама? Как провинциалка какая-то! Да ты неприлично богата! Почему ты хотя бы изредка не перестанешь прикидываться дешевкой и не проникнешься ощущением собственной значимости?

Трое его отпрысков выглянули из-за рабочих тетрадей по математике. Они привыкли к отцовским вспышкам ярости дома, но он редко позволял себе такое в присутствии бабушки и бабушки. Фиона потянула мужа за рукав и прошептала:

– Потихе! Пожалуйста, не говори о деньгах при детях!

Александра покачала головой:

– Эдди, дело не в том, что мне не хватает ощущения собственной значимости. Просто мне подобная расточительность кажется совершенно неуместной. И я не особа королевских кровей. В Сингапуре нет королей и королев. Смешно!

– В этом весь ты, Эдди. Хочешь, чтобы все в Сингапуре знали, что ты прилетел на самолете господина Мина, – вмешалась Сесилия, потянувшись палочками к димсаму со свиной. – Одно дело, если бы это был *твой* собственный самолет, но иметь наглость *одолжить* самолет на три перелета за два дня – это просто неслыханно. Лично я лучше заплачу за билеты.

– А Китти все время летает на частных самолетах, – заметил Алистер, хотя никто за столом не обращал на него никакого внимания.

– Ну, нам стоит завести собственный самолет, я это тал-

дычу вам уже несколько лет. Папа практически полмесяца проводит в пекинской клинике, а я планирую значительно расширить свое присутствие в Китае в будущем году... – начал было Эдди.

– Эдди, в этот раз я вынужден согласиться с твоей матерью и твоей сестрой. Не хочу одалживаться у семьи Мин, – наконец заявил Малкольм. Ему нравилось летать на частных самолетах, но его тошнило от одной мысли о том, что придется взять джет Минов.

– Почему я пытаюсь сделать для этой неблагодарной семьи что-то хорошее? – пробурчал с отвращением Эдди. – Делайте что хотите. Можете даже втиснуться в экономкласс «Чайна эйрлайнс». Мне плевать. Моя семья полетит на самолете Лео. Это «Бомбардье Глобал Экспресс», огромный современный самолет. Там даже картина Матисса в салоне. Это будет потрясающе.

Фиона посмотрела на него неодобрительно, однако Эдди смерил жену таким суровым взглядом, что она удержалась от дальнейших возражений. Он проглотил пару роллов с хрустящей креветкой и властным тоном объявил:

– Я пошел. Важные клиенты ждут!

С этими словами он удалился прочь, а семья вздохнула свободно. Тони с набитым ртом прошептал Сесилии:

– Посмотрим, как все их семейство рухнет в Южно-Китайское море на экстравагантном бизнес-джете Лео Мина.

Сесилия, как ни пыталась, не смогла сдержать смешок.

Элино́р

Сингапу́р

Несколько дней Элино́р обзванивала знакомых по тщательно продуманной схеме и в итоге смогла вычислить источник неприятных слухов, касающихся сына. Дейзи призналась, что услышала сплетню от Ребекки Тан, лучшей подруги своей невестки, а та в свою очередь поведала, что пикантную новость принес ей брат Мозес, который учился в Кембридже с Леонардом Шаном.

Мозес рассказал Элино́р следующее: «Я был в Лондоне на конференции. В последнюю минуту Леонард пригласил меня поужинать в своем загородном имении в графстве Суррей. Вы там бывали, миссис Янг? Ай-я, такое прекрасное место! Я даже не представлял, что его спроектировал Габриель-Ипполит Детайёр, тот же архитектор, который построил поместье Уоддесдон для английских Ротшильдов. Короче, мы ужинали среди всех этих ВИПов и членов парламента из Сингапура, и, как обычно, Кассандра Шан блистала. И тут вдруг ни с того ни с сего Кассандра громко объявила, обращаясь через стол к своей невестке Виктории Янг: «Ни

за что не догадаешься, что я тут слышала... Ники встречается в Нью-Йорке с девицей с Тайваня, и теперь он везет ее в Сингапур на свадьбу к Ху». А Виктория и говорит: «Ой, ты уверена? С тайванькой?! Черт побери, он что, запал на какую-то охотницу за деньгами?!» Кассандра ответила: мол, не все так ужасно, как думает Виктория, и, по ее разведанным, это девушка из семьи Чу – ну, знаете производителей пластика на Тайване? Не то чтобы старый капитал, но, по крайней мере, одна из самых влиятельных семей Тайваня».

Если бы это был кто-то другой, то Элинор отмахнулась бы от пересудов, как от пустой болтовни занудных родственников мужа. Но это были слова Кассандры, а Кассандра всегда была абсолютно точна, недаром же ее прозвали Радио Азия Один. Интересно, откуда у Кассандры эти последние «разведанные»? Болтливая троюродная сестрица – последний человек, которого Ники посвятил бы в подробности личной жизни. Должно быть, Кассандра получила «разведанные» от своего шпиона в Нью-Йорке. У нее везде агентурная сеть, и все так и норовят подлизаться⁴¹, поделившись какой-нибудь горячей новостью.

Элинор удивилась не тому, что сын завел новую подружку. Ее поразило (вернее, разозлило) то, что она до сих пор пребывала в неведении. Все понимали, что Ник – завидный

---

⁴¹ В южноминьском диалекте для таких случаев есть выражение, которое дословно переводится «три ноги» и может сопровождаться грубым жестом с использованием трех пальцев, словно держащих чьи-то гениталии. Соответствует западному выражению «лизать задницу». – *Примеч. автора.*

жених, и все эти годы вокруг него вился рой девиц. Конечно, Ник думал, что он скрывает их от матери! Впрочем, все эти девушки в глазах Элинон были пустым местом, поскольку она знала, что сын еще не готов к женитьбе. Однако в этот раз все было иначе.

Элинон давным-давно сформулировала одну теорию относительно мужчин. Она искренне верила, что для большинства особей мужского пола вся эта «любовь-морковь» и «поиски единственной» – несусветная чушь. Свадьба – это вопрос времени. Как только мужчина нагуляется и наконец готов будет остепениться, любая девушка, которая окажется в этот момент рядом, будет «той самой». Элинон видела доказательства тому снова и снова, да и сама подцепила Филипа Янга точно в нужный момент.

Все мужчины в этом клане склонны вступать в брак, переступив тридцатилетний рубеж, и Ники уже тепленький, можно брать. Если кому-то в Нью-Йорке известно о его романе и он действительно намерен привезти эту девицу на свадьбу лучшего друга, положение, возможно, куда серьезнее. Настолько, что сын намеренно умолчал о существовании этой девушки. Настолько, что тщательно продуманные планы Элинон могут сорваться.

Лучи заходящего солнца, преломляясь сквозь видовые окна от пола до потолка в недавно построенном пентхаусе на Кэрнхилл-роуд, заливали похожую на атриум гостиную ярко-оранжевым светом. Элинон посмотрела на вечер-

нее небо, окинула взглядом колоннаду зданий, теснящихся вдоль Скоттс-роуд, и широкие просторы от реки Сингапур до верфи Кеппел, самого оживленного торгового порта в мире. Даже после тридцати четырех лет брака Элино́р не принимала как должное возможность сидеть здесь и наслаждаться одним из самых желанных видов на острове. В ее представлении каждый человек занимал определенное место в социальной вселенной, которую она тщательно выстроила в своей голове. Как и большинство дам ее круга, Элино́р могла встретить другого азиата в любой точке мира – скажем, застав его за поеданием димсамов в «Ройял Чайна» в Лондоне или столкнувшись с ним в отделе нижнего белья в сиднейском элитном универмаге «Дэвид Джонс», – и за тридцать секунд после того, как она узнавала имя и место жительства, Элино́р применяла свой социальный алгоритм и высчитывала точные координаты местоположения нового знакомого в ее созвездиях. Все зависело от семьи и прочих родственных связей, от примерных доходов и источника состояния, а еще от семейных скандалов за последние пятьдесят лет.

Чу, владевшие заводом по производству пластика в Тайбэе, разбогатели совсем недавно, в семидесятых или восьмидесятых. Элино́р раздражало, что она почти ничего не знает об этом семействе. Насколько они признаны в обществе Тайбэя? Кто родители этой девушки и сколько она унаследует? Элино́р нужно знать, с чем она столкнулась. Сейчас в Нью-Йорке раннее утро, без четверти семь. Самое время разбу-

дить Ники.

Элино́р взяла телефон, держа перед собой в вытянутой руке дисконтную карту для международных звонков – так она делала всегда⁴², – и прищурилась, глядя на крошечные циферки. Она набрала сложную серию кодов, прослушала несколько коротких звуковых сигналов, пока наконец ее не соединили с нужным номером. Через четыре гудка включилась голосовая почта Ника: «Привет, я не могу сейчас подойти к телефону. Оставьте свое сообщение, и я перезвоню при первой же возможности». Элино́р всегда изумлялась, когда слышала американский акцент сына. Ей по душе был безукоризненный британский английский, на который Ник переключался, когда возвращался в Сингапур. Элино́р сбивчиво заговорила в трубку: «Ники, где ты? Позвони мне сегодня и сообщи, каким рейсом ты прилетаешь. Уже все в мире знают, когда ты приедешь домой, кроме меня. Ты остановишься у нас или у бабушки? Пожалуйста, перезвони. Только не позже полуночи. Я сейчас приму золпидем, и минимум восемь часов ты меня не добудишься».

Она дала отбой, но почти сразу снова схватила трубку и в этот раз набрала номер мобильного телефона.

– Астрид, это ты?

---

⁴² Китайцы из потомственной финансовой аристократии терпеть не могут тратить деньги на международные телефонные разговоры почти так же, как они ненавидят расходы на дешевые полотенца, бутилированную воду, гостиничные номера, дорогую западную еду, такси, чаевые официантам и все, что угодно, кроме экономкласса. – *Примеч. автора.*

– Тетя Элли! Привет! – ответила Астрид.

– У тебя все нормально? Голос странный.

– Я только спать легла. – Астрид откашлялась.

– А почему так рано? Ты заболела?

– Нет, я в Париже, тетя Элли.

– Аламак! Я и забыла! Прости, что разбудила тебя. Как Париж?

– Чудно!

– Много чего купила?

– Не то чтобы, – ответила Астрид, призвав на помощь все свое терпение. Тетушка позвонила, чтобы обсудить шопинг?

– В бутике «Луи Вюиттон» все еще очереди, в которых должны стоять азиатские покупатели?

– Не знаю. Я там не была лет сто, тетя Элли.

– Вот и молодец. Эти очереди ужасны. А еще азиатам позволяют покупать только одну вещь в руки. Напоминает японскую оккупацию, когда японцы заставляли китайцев стоять в очереди за испорченной едой.

– Да, но я понимаю, откуда взялись эти правила, тетя Элли. Ты бы видела, как азиатские туристы сметают предметы роскоши, и не только в «Луи Вюиттон». Они повсюду скупают все, что видят, лишь бы это был дизайнерский бренд. Просто сумасшествие! Знаешь, некоторые привозят покупки домой и перепродают, накрутив цену.

– Эти туристы позорят всех нас. Но я-то ходила по магазинам в Париже еще в семидесятых и ни за что не стала бы

ждать в очередях, да к тому же покупать по чьей-то указке. Кстати, Астрид... Я хотела спросить... Ты говорила с Ником в последнее время?

Астрид помолчала немного.

– Ну, он звонил мне пару недель назад.

– Говорил, когда планирует приехать в Сингапур?

– Нет, он не называл точной даты, но уверена, что Ник приедет за пару дней до свадьбы Колина, как считаешь?

– Ник мне ничего не рассказывает! – Элино́р помолчала, а потом осторожно продолжила: – Я тут размышляю, не устроить ли Нику и его девушке сюрприз – небольшую вечеринку в новой квартире в честь ее приезда в Сингапур. Одобряешь идею?

– Разумеется, тетя Элли. Мне кажется, они будут в восторге, – ответила Астрид, слегка опешив: с чего вдруг тетя собирается отмечать приезд Рейчел? Наверное, Ник пустил в ход свои чары.

– Но я совсем не знаю ее, поэтому мне трудно спланировать праздник. Подскажешь что-нибудь? Вы встречались в прошлом году, когда ты ездила в Нью-Йорк?

– Встречались.

Внутри Элино́р все клокотало. *Астрид была в Нью-Йорке в прошлом марте, а значит, эта девица нарисовалась на горизонте минимум год назад.*

– И как она? Типичная тайванька? – спросила Элино́р.

– Тайванька? Вовсе нет. Мне она показалась американки-

зированной до мозга костей, – возразила Астрид и сразу же пожалела о своих словах.

«Какой ужас», – подумала Элинон. Ей азиатские девчонки с американским акцентом всегда казались смешными. Они всегда разговаривают так, будто врут на каждом шагу, когда пытаются подражать иностранцам.

– То есть она с Тайваня, но выросла в Америке?

– Я даже не знала, что она с Тайваня, по правде говоря.

– Да? Она не рассказывала о своей семье в Тайбэе?

– Не-а.

К чему клонит тетя Элли? Астрид поняла, что тетя хочет разведать обстановку, поэтому ей захотелось представить Рейчел в выгодном свете.

– Она умная и образованная, тетя Элли. Мне кажется, она тебе понравится.

– Ох, то есть она такая же умница, как Ник.

– Определенно! Мне сказали, что она одна из самых перспективных профессоров в своей области.

Элинон растерялась. *Профессор! Ники встречается с профессоршей?! Господи, она что, старше Ника?*

– Ники не говорил мне, какая у нее специализация.

– Экономическое развитие.

Хитрая и расчетливая зрелая дамочка! Аламак. Все хуже и хуже.

– Она училась в университете в Нью-Йорке? – не унималась Элинон.

– Нет, она училась в Стэнфорде, в Калифорнии.

– Да-да, я знаю Стэнфорд. – Элино́р явно не впечатлилась.

Это шарашкина контора в Калифорнии, куда отправляются те, кто не смог поступить в Гарвард.

– Это топовый университет, тетя Элли, – сказала Астрид, которая точно знала, о чем сейчас размышляла тетя.

– Ну, думаю, если тебя заставляют поступать в *американский* университет...

– Да ладно, тетя Элли. Стэнфорд – отличный университет по всем меркам. Мне кажется, она еще училась в магистратуре Северо-Западного университета. Рейчел очень интеллигентная и одаренная, но при этом не витает в облаках. Думаю, она придется тебе по душе.

– О, я не сомневаюсь, – отозвалась Элино́р.

Итак, *ее* зовут Рейчел.

Элино́р замолчала. Ей нужен был еще один осколок информации – правильное произношение фамилии девушки. Но как узнать это, не вызывая подозрений Астрид?

– Ой! Я хочу заказать те милые кексики из кондитерской «Ужасно шоколадно» и написать на них *ее* имя. Ты знаешь, как произносится фамилия? Ч-у? Или Ч-и-у? Или Ч-о-у?

– Мне кажется, просто Чу. Ч-у.

– Спасибо. Ты мне очень помогла! – сказала Элино́р. *Ты даже не представляешь насколько.*

– Разумеется, тетя Элли. Сообщи, если нужно помочь тебе с вечеринкой. Не могу дождаться, когда же увижу вашу

потрясающую новую квартиру.

– А ты еще не видела? Мне казалось, твоя мама тоже приобрела здесь недвижимость.

– Она-то, может, и приобрела, но я не видела, что именно. Я не успеваю за родительскими фокусами с недвижимостью.

– Конечно, конечно. У твоих родителей столько недвижимости по всему миру, не то что у твоего бедного дяди Филипа и у меня. У нас только дом в Сиднее – и это маленькое гнездышко.

– Уверена, квартиру никак не назовешь маленькой, тетя Элли. Ведь предполагалось, что это самая роскошная квартира во всем Сингапуре.

Астрид в миллионный раз задумалась, почему все ее родственники постоянно пытаются превзойти друг друга, заявляя о собственной бедности.

– Нет, лах. Это простенькая квартирка, не то что дом твоего отца. В любом случае прости, что я тебя разбудила. Тебе нужно что-то принять, чтобы снова уснуть? Лично я принимаю пятьдесят миллиграммов амитриптилина, а потом еще десять миллиграммов золпидема, если хочу проспать до утра, не просыпаясь. Иногда еще добавляю таблетку лунесты, а если не помогает, то перехожу на валиум...

– Я и так усну, тетя Элли.

– Ну ладно тогда. Пока-пока! – С этими словами она повесила трубку.

Авантюра удалась. Ник и Астрид закадычные друзья.

Почему она не додумалась позвонить Астрид раньше?

8

Рейчел

Нью-Йорк

Ник сообщил новость беззаботным тоном, когда разбил белье после стирки в воскресенье – накануне их путешествия. Похоже, родителям Ник только сейчас сообщил, что Рейчел приедет с ним в Сингапур. И кстати, они только что в принципе узнали о ее существовании.

– Я не совсем понимаю... ты хочешь сказать, что *родители не знали обо мне все это время?* – спросила изумленная Рейчел.

– Ну... нет. Но ты должна понимать, что дело вовсе не в тебе... – начал Ник.

– Сложно не принимать это на свой счет.

– Прощу тебя, не надо. Мне жаль, что тебе так кажется. Просто... – Ник нервно сглотнул. – Просто я всегда пытался провести четкую границу между личной жизнью и семьей, вот и все.

– Но зачем разделять личную жизнь и семейную?

– Ну, в моем случае иначе нельзя. Рейчел, ты же знаешь, какими властными могут быть китайские родители.

– Да, однако это не помешало мне рассказать маме о таком важном персонаже, как бойфренд. Я имею в виду, что мама узнала о тебе через пять минут после первого свидания, а через два месяца ты уже ужинал с ней за одним столом и смаковал ее тыквенный суп.

– У тебя с мамой совершенно особые отношения, и ты это знаешь. У других людей все не так просто. А с моими родителями особенно... – Ник помолчал, подбирая правильные слова. – Мы другие. У нас более формальные отношения, и мы вообще не обсуждаем свою эмоциональную жизнь.

– Они холодные и эмоционально закрытые или дело в другом? Они пережили Великую депрессию?

Ник рассмеялся и покачал головой:

– Нет, ничего подобного. Я думаю, ты все поймешь, когда познакомишься с ними.

Рейчел не знала, что и думать. Иногда Ник так загадочно выражался, и это объяснение не казалось ей разумным, но не хотелось устраивать сцену.

– Ты хочешь рассказать мне еще что-нибудь о своей семье, прежде чем я сяду в самолет и проведу с тобой все лето?

– Нет. Не то чтобы... – Ник замялся.

Он не мог решить, стоит ли упоминать о ситуации с их проживанием. Ведь он здорово дал маху. Слишком долго выжидал, а потом позвонил, чтобы официально объявить об отношениях с Рейчел. Его мать молчала. Зловеще молчала. А потом она задала один-единственный вопрос:

– Где ты будешь жить? И где будет жить *она*?

Внезапно до Ника дошло, что поселиться у родителей – плохая идея, по крайней мере для начала. Но Рейчел не сможет остановиться и у бабушки без явного приглашения. Можно было бы поехать к кому-то из дядюшек-тетушек, но это вызовет гнев матери, и тогда в семье разразится междоусобная война.

Не зная, как выбраться из трясины, Ник обратился за советом к двоюродной бабушке, которая всегда отлично улаживала подобные конфликты. Бабушка Розмари посоветовала ему первое время пожить в отеле, но подчеркнула, что нужно познакомить Рейчел с родителями прямо в день приезда.

– В первый же день. Не тяни до следующего, – предупредила она.

Возможно, стоит пригласить родителей на ланч или ужин, чтобы они встретились с Рейчел на нейтральной территории. Выбрать скромное заведение типа Колониального клуба. И лучше, если это будет все-таки ланч, а не ужин.

– За ланчем все более расслабленные, – посоветовала Розмари.

Затем Ник должен был уже сам поехать к бабушке и официально попросить разрешения пригласить девушку на традиционный пятничный ужин, который а-ма устраивала для всей семьи. Только после того, как Рейчел пригласят на это мероприятие, можно поднять вопрос об их проживании.

– Разумеется, бабушка позволит вам поселиться у нее, как только познакомится с Рейчел, но при худшем развитии событий я приглашу вас к себе, и никто не посмеет мне и слова сказать, – заверила его бабушка Розмари.

Ник решил сохранить эти сложные махинации в тайне от Рейчел. Ни к чему давать ей повод отказаться от поездки. Ник собирался подготовить девушку к встрече с родственниками, но при этом ему хотелось, чтобы у нее, когда придет время, сложилось непредвзятое мнение о них. И все же Астрид права: Рейчел нужен краткий экскурс. Но как объяснить ей, что представляет собой его семья?! Ведь всю жизнь он вынужденно это умалчивал...

Ник сел на пол, прислонился к кирпичной стене и сложил руки на коленях.

– Ну, думаю, тебе стоит знать, что я происхожу из очень большой семьи.

– А я думала, ты единственный ребенок.

– Да, но у меня целая толпа всяких родственников. Тебе предстоит познакомиться с кучей людей. Это три ветви семьи. Посторонние обычно сначала путаются в наших родственных связях. – Он пожалел, что использовал слово «посторонние», сразу же, как оно слетело с губ, но Рейчел, похоже, не обратила на это внимания, и Ник продолжил: – Все так же, как в любой большой семье. Болтливые дядюшки, эксцентричные тетушки, противные двоюродные братья и сестры и так далее. Но я уверен, ты придешь в восторг, познако-

мившись с ними. Тебе же понравилась Астрид?

– Астрид потрясающая.

– Да, и она от тебя в восторге. Все остальные тоже будут в восторге, Рейчел. Я в этом уверен.

Рейчел сидела на кровати рядом со стопкой полотенец, все еще хранивших тепло сушилки, и пыталась переварить услышанное. Ник никогда столько не рассказывал о своих родных, и она немного успокоилась. Она все равно до конца не понимала, что не так с его родителями, но должна была признать, что видела кучу довольно разобщенных семей, особенно у азиатских друзей. В старших классах Рейчел приглашали к друзьям, и ей приходилось присутствовать на тоскливых обедах в залитых флуоресцентным светом гостиных, когда родители за столом обменивались с ребенком не более чем пятью словами. Она замечала, какими изумленными глазами смотрели одноклассники, когда она время от времени обнимала маму или произносила «я люблю тебя» в конце телефонного разговора. Несколько лет назад ей прислали по электронной почте забавное письмо с заголовком «Двенадцать признаков того, что у вас азиатские родители». Под номером один значилось: «Ваши родители никогда в жизни не позвонят, чтобы просто поздороваться». Многих шуток в списке она не поняла, поскольку ее собственный опыт был другим.

– Нам очень повезло, ты знаешь. Мало у кого такие отношения, как у нас с тобой, – сказала Керри, когда они созво-

нились чуть позже тем же вечером.

– Я это понимаю, мам. Я знаю, что у нас все по-другому, поскольку ты растила меня одна и всюду брала с собой, – вслух размышляла Рейчел.

Когда она была маленькой, мама, казалось, каждый год откликалась на новое объявление о найме сотрудников в «Уорлд джорнал», китайско-американском издании, и они отправлялись к месту ее новой работы в очередной китайский ресторан в каком-нибудь городишке. В памяти промелькнули все те крошечные комнатки в общежитиях и самодельные кровати в таких городах, как Ист-Лансинг, Финикс, Таллахасси.

– Не стоит ждать, что все семьи будут как наша. Я тебя родила, когда мне было девятнадцать, сама была еще девчонка, поэтому в некотором отношении мы словно сестры. Не суди Ника строго. Грустно это говорить, но я тоже не была близка со своими родителями. В Китае на общение просто не хватало времени. Мать с отцом работали от зари до зари семь дней в неделю, а я все это время проводила в школе.

– Но все же как он мог так долго скрывать от родителей такое важное событие? Мы ведь не пару месяцев встречаемся.

– Доченька, и снова ты судишь о ситуации по своим американским меркам, а придется взглянуть на происходящее глазами китайцев. В Китае всему свое время, и существует особый этикет. Как я уже говорила, тебе нужно понять, что

хуацяо порой соблюдают традиции даже строже, чем китайцы на родине. Ты ничего не знаешь о происхождении Ника. Тебе приходило в голову, что его семья может быть очень бедной? В Азии живут не только богатые. Может, Ник вынужден работать в поте лица и отправлять деньги домой, и родные не одобрили бы, что он транжирит деньги на подружек. А может, он не хочет, чтобы родители знали, что вы половину недели живете под одной крышей. Не исключено, что они благочестивые буддисты.

– Да, мам. Но я подумала, что Ник-то знает все обо мне, о нас с тобой, а я ничего не знаю о его семье.

– Не бойся, доченька. Ты знаешь Ника. Он порядочный человек и, хотя долго скрывал от родных ваши отношения, сейчас хочет сделать все как положено. Самое меньшее – представить тебя семье должным образом. Это самое важное, – сказала Керри.

Рейчел лежала в постели. Как обычно, тоны китайского языка, на котором говорила Керри, ее успокаивали. Может, она была излишне строга с Ником. Она позволила неуверенности взять верх и невольно решила, что Ник так долго ждал и не говорил о ней родителям потому, что стесняется ее. А что, если все наоборот? Если он стесняется родных? Рейчел вспомнила, что сказала ей сингапурская подруга Пейк Лин, когда она позвонила ей по скайпу и взволнованно сообщила, что встречается с одним из ее земляков.

Пейк Лин происходила из семьи, считавшейся одной из

самых зажиточных на острове, но никогда не слышала о Янгах.

– Если бы у него были богатые или знаменитые родители, мы были бы знакомы. Янг – не такая уж распространенная фамилия. Они точно не корейцы?

– Точно. Я уверена, что они из Сингапура. Но ты знаешь, мне плевать, сколько там у них денег.

– В этом вся твоя проблема, – хмыкнула Пейк Лин. – Но я уверена: раз он прошел отбор у Рейчел Чу, значит он совершенно нормальный чувак.

9

Астрид

Сингапур

Астрид приехала из Парижа домой ближе к вечеру, но успела сама выкупать трехлетнего Кассиана. Француженка Эвангелин, *au pair*⁴³, наблюдала за процессом с неодобрением («маман» слишком энергично намыливала волосы и лила слишком много детского шампуня).

Уложив Кассиана в кроватку и прочитав ему «Баю-баюшки, луна» на французском, Астрид возобновила ритуал: требовалось аккуратно распаковать свои обновы от-кутю и спрятать в свободной комнате до того, как Майкл вернется с работы. Муж не должен был видеть, в каком масштабе она делает покупки в каждом новом сезоне. Астрид следила за этим. Бедняжка Майкл так устает на работе в последнее время! В мире высоких технологий принято работать сверхурочно, а Майклу и его партнеру в фирме «Клауд найн солюшн» и вовсе приходилось пахать, чтобы дела пошли в гору. Майкл летал в Китай раз в две недели, чтобы контролировать новые проекты, и Астрид знала, что сегодня он бу-

---

⁴³ Помощница по хозяйству (фр.).

дет вымотан, поскольку поехал в офис прямо из аэропорта. Ей хотелось, чтобы все было идеально, когда муж войдет в квартиру.

Астрид поспешила в кухню, обсудила с кухаркой меню, и они решили сегодня накрыть ужин на балконе. Она зажжет свечи с ароматом инжира и абрикоса и поставит на стол бутылочку сотерна, которую привезла прямым из Франции в специальном охладителе. Майклу нравились сладкие вина, и особенно сотерн – вино позднего урожая. Она знала, что муж оценит напиток: бутылку рекомендовал приобрести Мануэль, великолепный сомелье ресторана «Тайеван».

Большинство сингапурцев сочли бы, что Астрид ожидает приятный вечер, однако друзей и родных ее семейная ситуация смущала. С чего вдруг ей бегать в кухню и болтать с кухарками, самой распаковывать багаж и волноваться из-за загруженности мужа на работе? Не такой все представляли жизнь Астрид. Астрид Леонг родилась, чтобы царствовать в огромном доме, и экономка должна была предвосхищать все ее желания, пока сама хозяйка наряжается, дабы ехать с могущественным и влиятельным супругом на одну из закрытых вечеринок, что устраивают в этот вечер на острове. Однако Астрид всегда обманывала чужие ожидания.

Для маленькой группы девочек, которые подрастали в семьях верхушки сингапурской элиты, жизнь текла по предписанному порядку: в возрасте шести лет их зачисляли в Методистскую школу для девочек (МШД), Сингапурскую школу

для китайнок (СШК), Школу при монастыре Святого Младенца Иисуса (ШМСМИ).

Вечерние часы после школы уходили на занятия с целой командой репетиторов, которые готовили вас к лавине еженедельных экзаменов (обычно по классической китайской литературе, многофакторному анализу и молекулярной биологии). По выходным приходилось заниматься фортепиано, скрипкой, флейтой, балетом, верховой ездой или принимать участие в мероприятиях Братства молодых христиан. Если вы справлялись с учебой на должном уровне, то поступали в Национальный университет Сингапура (НУС), а если нет, то вас отправляли учиться в Англию (американские колледжи считались второсортными). Единственными приемлемыми специальностями считались медицина или право (только самым недалеким девочкам разрешали довольствоваться бухгалтером). После окончания вуза с отличием (все другие варианты навлекали позор на семью) можно было поработать по специальности (но не более трех лет), а потом полагалось выйти замуж в двадцать пять (или двадцать восемь лет, если вы учились на медицинском) за молодого человека из семьи подходящего статуса. В этот момент вы должны были отказаться от карьеры и рожать детей (правительство официально приветствовало трех отпрысков у людей вашего происхождения, причем должно быть минимум два мальчика). Теперь ваша жизнь превращалась в плавную череду гала-вечеров, посещений загородных клубов и круж-

ков по изучению Библии, легкой волонтерской работы, партий в бридж или маджонг, путешествий и возни с внуками (с десятками внуков, надеюсь) вплоть до тихой и спокойной кончины.

Астрид перевернула этот порядок. Она не была бунтаркой – это предполагало бы, что Астрид нарушает установленные правила. Нет. Она просто устанавливала новые, а учитывая особые обстоятельства – значительный личный доход, чрезмерно баловавших ее родителей и собственное умение выходить из сложных ситуаций с достоинством, – каждое ее движение затаив дыхание обсуждали и внимательно изучали в этом страдающем клаустрофобией кругу.

В детстве Астрид всегда исчезала из Сингапура во время школьных каникул, и хотя Фелисити научила дочь не хвастаться своими поездками, школьная подруга, пришедшая в гости, заметила снимок в рамочке: Астрид на белой лошади на фоне какого-то дворца. По школе поползли слухи: дядя Астрид владеет замком во Франции, где Астрид проводит каникулы, катаясь на белоснежном скакуне. Вообще-то, это было поместье в Англии, а «белоснежный скакун» – всего лишь пони. Так или иначе, подругу больше в гости не приглашали.

Когда Астрид стала подростком, сплетни расплзались еще более лихорадочно. Дело в том, что Селестин Тин, чья дочь вместе с Астрид занималась в кружке Братства молодых христиан, взяла в аэропорту Шарля де Голля экземпляр

французского журнала о знаменитостях «Пуан де вю» и наткнулась на снимок, сделанный папарацци: Астрид в Порто-Эрколе прыгает «бомбочкой» с яхты в компании юной европейской принцессы. В тот год, когда Астрид вернулась после каникул, обнаружилось, что у нее не по годам развито чувство стиля. Другие девочки ее круга обожали с головы до ног одеваться в брендовые вещи, Астрид первой надела винтажный пиджак-смокинг от Ива Сен-Лорана с шортами из батика, купленными за три доллара в лавочке на балийском пляже. Она первой начала носить наряды от Антверпенской шестерки⁴⁴, первой привезла домой пару красных туфель на шпильке от какого-то парижского обувщика по имени Кристиан. Одноклассницы пытались копировать каждый ее наряд, а их братья прозвали Астрид Богиней и считали главным объектом своих эротических фантазий.

Астрид была печально известна тем, что беззастенчиво завалила все экзамены в средней школе (*да и как девушка могла сосредоточиться на учебе, если постоянно страдала из-за смены часовых поясов?*). Ее спланировали в Лондон на подготовительные курсы. Все знали историю, как восемнадцатилетний Чарли У, старший сын миллиардера У Хаоляня, со слезами простился с ней в сингапурском аэропорту, а потом запрыгнул в свой частный бизнес-джет и приказал пило-

---

⁴⁴ *Антверпенская шестерка* – шесть бельгийских модельеров-авангардистов, выпускников Королевской академии изящных искусств в Антверпене, которые стали известны после показа коллекций на Лондонской неделе моды в середине 1980-х.

ту обогнать ее самолет. Когда Астрид приземлилась в Хитроу, то с изумлением обнаружила влюбленного без памяти Чарли, который ждал в зале прибытия с тремя сотнями алых роз. Следующие пару лет они были неразлучны, и родители Чарли даже купили ему квартиру в Найтсбридже (для приличия), хотя все и подозревали, что Чарли с Астрид, скорее всего, «живут в грехе» в ее частных покоях в отеле «Калторп».

В двадцать два года Чарли сделал ей официальное предложение на горнолыжном подъемнике в швейцарском Вербе, и хотя Астрид ответила согласием, но якобы отказалась принять кольцо с бриллиантом в тридцать девять карат, посчитав его слишком вульгарным, и выкинула подарок прямо на склоне (Чарли даже не пытался отыскать кольцо). Высший свет Сингапура пришел в восторг от предстоящей свадьбы, в то время как родители Астрид были ошеломлены перспективой породниться с семьей без определенного происхождения и столь бесстыдными новыми деньгами. Самая роскошная свадьба Азии бесславным образом расстроилась за девять дней до намеченной церемонии. Астрид и Чарли прилюдно поцапались среди бела дня. По слухам, Астрид «отшвырнула его так же, как то злополучное кольцо, прямо рядом с „Вендис“ на Орчард-роуд, плеснув ему „Фрости“⁴⁵ в лицо», а на следующий день умотала в Париж.

---

⁴⁵ «Фрости» – фирменный замороженный молочный десерт ресторанов быстрого питания «Вендис».

Родители поддержали Астрид в ее желании «охладить свой пыл», но, как ни старалась Астрид держаться скромно, ей, с ее яркой красотой, без труда удалось очаровать весь Париж. Потом она вернулась в Сингапур, и ей продолжили перебивать косточки. Астрид была в центре внимания. Якобы ее видели в первом ряду на показе Valentino – она сидела между Джоан Коллинз и болгарской принцессой Розарио. Поговаривали, что Астрид подолгу обедала в знаменитом ресторане «Ле Вольтер» с женатым философом-плейбоєм и обстановка была самой интимной. И возможно, самый сенсационный слух прокатился о ее романе с одним из сыновей Ага-хана⁴⁶ – Астрид будто бы готовилась принять ислам, чтобы они могли пожениться. (И будто бы епископ Сингапура вылетел в Париж по первому требованию, чтобы вмешаться.)

Все эти слухи сошли на нет, когда Астрид снова удивила всех, объявив о помолвке с неким Майклом Тео. Первый вопрос, который возник у каждого: «Кто этот Майкл?» Он был никому не известным сыном школьных учителей из района Тоа-Пайо, в то время облюбованного средним классом. Сначала родители Астрид были ошеломлены и озадачены тем, как их дочь вообще могла познакомиться с человеком «подобного происхождения», но в конце концов поняли, что она выбрала неплохой экземпляр – потрясающе

---

⁴⁶ *Ага-хан* – наследственный титул главы религиозной общины исмаилитов-низаритов.

красивого офицера элитных войск, получившего национальную стипендию и изучавшего компьютерные системы в Калифорнийском технологическом институте. Могло быть гораздо хуже.

Свадьба была закрытой и очень скромной. Всего-то три сотни гостей собралось в доме бабушки Астрид. Церемонию осветили в крошечной заметке на пятьдесят одно слово без фотографий в «Стрейтс таймс». Правда, анонимные источники сообщали, что сэр Пол Маккартни прилетел, чтобы исполнить серенаду, под которую выходила невеста «в невысказанном платье». Через год Майкл уволился из вооруженных сил, чтобы основать собственную фирму по производству программного обеспечения, а у пары родился сын, которого называли Кассианом.

Астрид пребывала в коконе домашнего блаженства, и можно было подумать, что все истории, связанные с ее именем, затихнут. Но не тут-то было...

В начале десятого Майкл вернулся домой, и Астрид бросилась к дверям, чтобы заключить мужа в объятия. Они были женаты уже больше четырех лет, но при виде мужа по ее телу все еще пробежал электрический разряд, особенно после разлуки. Майкл был поразительно привлекателен, особенно сегодня, со щетиной и в помятой рубашке, в которую Астрид хотелось уткнуться лицом, – ей нравился его запах после долгого дня.

Они насладились легким ужином, состоящим из леща в

имбирном вине с рисом в глиняном горшочке, а потом растянулись на диване в легком подпитии после двух бутылок вина. Астрид продолжила рассказывать о своих приключениях в Париже, а Майкл как зомби уставился в телевизор, где без звука транслировался спортивный канал.

– Много в этот раз купила платьев за тысячу долларов?

– Нет... всего парочку, – весело отмахнулась Астрид и задумалась, как отреагировал бы муж, узнав, что цифра в двести тысяч за платье скорее похожа на правду.

– Ты совсем не умеешь врать, – хмыкнул Майкл.

Астрид положила голову мужу на грудь, медленно поглаживая его правую ногу. Она прочертила кончиками пальцев непрерывную линию по изгибу колена и выше и, чувствуя, как он напрягся, продолжала нежно гладить его ногу в непрерывном ритме, подбираясь все ближе и ближе к внутренней поверхности бедра. Майкл больше не мог этого выносить, одним резким движением поднял Астрид и понес в спальню.

Они неистово любили друг друга, а потом Майкл выбрался из постели и пошел в душ. Астрид лежала на его половине кровати, совершенно выбившись из сил. Секс после разлуки всегда прекрасен. Вдруг запищал айфон. Кто мог прислать сообщение в столь поздний час?! Она взяла телефон и, прищурившись от ярких букв на темном экране, прочитала эс-эмэску: «СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ ВНУТРИ МЕНЯ».

Что за чушь? Кто ей такое прислал? Астрид с удивлением уставилась на незнакомый номер. Похоже, из Гонконга. Оче-

редная шутка Эдди? Она перечитала сообщение и внезапно поняла, что в руках у нее айфон мужа.

10

Эдисон Чэн

Шанхай

Все дело в зеркале, которое висит в гардеробной. Гардеробная в новом трехуровневом пентхаусе Лео Мина в районе Хуанпу вывела Эдди из себя. После того как Шанхай провозгласили азиатской столицей вечеринок, Эдди все больше времени проводил здесь с последней своей пассией, старлеткой из Пекина, контракт которой он перекупил у китайской кинокомпании за девятнадцать миллионов (по миллиону за каждый год ее жизни). Друзья прилетели буквально на денек, чтобы осмотреть новые суперлюксовые апартаменты Лео, и сейчас стояли в гардеробной площадью в две тысячи квадратных футов. Не гардеробная, а целый ангар. Окно от пола до потолка, занимающее всю стену, шкафы из макасарского эбенового дерева и ряд зеркальных дверей, которые автоматически раздвигались, открывая взору вешалки из кедра.

– Здесь стоит климат-контроль, – сообщил Лео. – С этой стороны в шкафах поддерживается температура в районе пятидесяти пяти градусов⁴⁷ специально для моих итальянских

---

⁴⁷ Около 13 градусов Цельсия.

кашемировых костюмов, твида и мехов. В отделении для обуви температура держится на уровне семидесяти градусов⁴⁸, что оптимально для кожи, а влажность отрегулирована так, чтобы всегда было тридцать пять процентов, иначе мои ботиночки «Берлутти» и «Кортэй» покроются испариной. За этими малышами нужно правильно ухаживать, правда?

Эдди кивнул, с тоской подумав, что пришло время переоборудовать и собственную гардеробную.

– А сейчас я покажу тебе *«pièce de résistance»*⁴⁹, – сказал Лео, коверкая французские слова.

Он с размаху провел большим пальцем по зеркальной панели, и ее поверхность мгновенно превратилась в экран высокой четкости, на который проецировалось изображение мужчины-модели в двубортном костюме в натуральный рост. Над правым плечом значились названия брендов каждого предмета туалета, а дальше перечислялись даты и места, куда хозяин уже ходил в таком наряде. Лео махнул пальцем перед экраном, как будто перелистывал страницу, и теперь молодой человек появился в вельветовых брюках и свитере крупной вязки.

– В это зеркало встроена камера, которая фотографирует и сохраняет снимок, поэтому можно видеть все, что ты когда-либо носил, отсортированное по дате и месту. Тогда наряды не будут повторяться!

---

⁴⁸ Около 21 градуса Цельсия.

⁴⁹ «Основное блюдо» (*фр.*).

Эдди уставился на зеркало в изумлении.

– Да, я уже такое видел, – промямлил он, а по венам уже побежала зависть.

Внезапно Эдди охватило желание разбить лицо друга об эту зеркальную стену. Лео снова хвастался очередной новой игрушкой, которая досталась ему за то, что он ни хрена не делает. Так было с детства. Когда Лео исполнилось семь, отец подарил ему титановый велосипед, который под его жирный зад специально спроектировали бывшие инженеры НАСА (через три дня велосипед украли). В шестнадцать лет Лео загорелся идеей исполнять хип-хоп, и отец построил для него высококласную звукозаписывающую студию и спонсировал первый альбом (диски все еще можно найти на eBay). В 1999-м отец дал деньги Лео на стартап в Интернете, а тот умудрился пустить на ветер больше девятиста миллионов долларов и прогореть в разгар интернет-бума. А теперь еще и это – последнее приобретение в бесчисленной коллекции домов по всей планете, которую пополняет любящий папаша. Да, Лео Мин, один из почетных членов гонконгского Клуба счастливой спермы, получал все, что ни пожелает, на блюдечке с бриллиантовой каемочкой. А вот Эдди «повезло» родиться в семье, где родители не дают ни цента.

В этом, пожалуй, самом материалистическом городе на земле, где ключевая мантра – «престиж», сплетники высшего света Гонконга сошлись бы во мнении, что жизни Эди-

сона Чэна можно позавидовать. Они признали бы, что Эдди родился в хорошей семье (хотя его ветвь, если честно, немного простовата), учился в престижных заведениях (конечно, ничто не перевесит Кембридж... кроме Оксфорда), а теперь работал в самом престижном инвестиционном банке Гонконга (жаль, конечно, что не пошел по стопам отца и не стал врачом). В тридцать шесть Эдди все еще выглядел очень молодо (да, немного потолстел, но ничего страшного, так он выглядит более преуспевающим), удачно женился на Фионе Тан (старая финансовая аристократия; правда, отец запятнал свое имя в скандале с акциями – но это все дато Тай То Луй, не надо было с ним связываться), его дети Константин, Каллиста и Августин всегда хорошо одеты и прилично себя ведут (хотя младшенький, кажется, аутист или что-то вроде того).

Эдди и Фиона жили в двухуровневом пентхаусе в небоскребе «Триумфальные башни», самом популярном на горе Виктория-Пик (пять спален, шесть ванных комнат, больше четырех тысяч квадратных футов, не считая террасы площадью восемьсот квадратных футов). На них работают две филиппинки и две китайки из материкового Китая (китайки лучше справляются с уборкой, а филиппинки замечательно ладят с детьми). Их квартиру в стиле бидермейер декорировал известный австро-немецкий дизайнер Каспар фон Моргенлатт, интерьеры вызвали ассоциации с охотничьим замком Габсбургов. Недавно фотографии квартиры появились

в «Гонконг татл». Эдди запечатлели у подножия мраморной винтовой лестницы, он в зеленой тирольской куртке, с зачесанными назад волосами, в то время как Фиона, неудобно растянувшаяся у его ног, одета в бордовое платье от Оскара де ла Рента.

На парковке дома супругам принадлежало сразу пять мест (по двести пятьдесят тысяч каждое), где стояла их «автоколонна»: «Бентли Континенталь ГТ» (автомобиль Эдди по будням), «Астон-Мартин Вэнкуиш» (автомобиль Эдди по выходным), «Вольво S40» (автомобиль Фионы), «Мерседес S550» (семейный автомобиль) и «порше-кайен» (семейный спортивный внедорожник). В клубе «Абердин Марина» покачивался на причале «Кайзер» – шестидесятифутовая яхта Эдди. Также у него была квартира в Уистлере, Британская Колумбия (единственное место, где можно кататься на лыжах, так как в Ванкувере в часе езды подавали почти приличную кантонскую еду). Эдди был членом Китайской спортивной ассоциации, Гонконгского гольф-клуба, Китайского клуба, Гонконгского клуба, Крикет-клуба, клуба «Династия», Американского клуба, Жокей-клуба, Королевского гонконгского яхт-клуба, а также частных клубов в бесчисленном количестве. Как и большинство гонконгцев из высшего света, Эдди также обладал тем, что можно считать членским билетом всех членских билетов, – видом на жительство в Канаде для всей семьи (безопасное убежище на случай, если власти Пекина снова выведут танки на Тяньаньмэнь). Эдди

собирал часы, и теперь у него в коллекции насчитывалось более семидесяти экземпляров от самых уважаемых мастеров (конечно, швейцарцев, за исключением нескольких старинных «Картье»). Эта коллекция красовалась в гардеробной в специально спроектированной витрине из серебристого клена. К слову сказать, у жены Эдди не было собственной гардеробной. Четыре года подряд он входил в «Список наиболее часто приглашаемых знаменитостей», публикуемый в «Гонконг татл», и, как подобает человеку его положения, успел сменить трех любовниц, с тех пор как женился тринадцать лет назад на Фионе.

Несмотря на такое богатство, Эдди чувствовал себя крайне обделенным по сравнению с большинством своих друзей. У него не было особняка на Виктория-Пик. У него не было своего самолета. На яхте, слишком маленькой, чтобы разместить с комфортом больше десяти гостей на бранче, не было штатной команды. У него не было картин Ротко, Поллока или других вошедших в историю американских художников, которые необходимо повесить на стену, чтобы в наши дни считаться по-настоящему богатым. В отличие от семьи Лео, родители Эдди были старомодными: они настояли, чтобы сын сам себя обеспечивал с момента выпуска из университета.

Это чертовски несправедливо! Родители при деньгах, а мать должна унаследовать неприлично большую сумму, когда сингапурская бабушка сыграет в ящик. (А-ма уже пере-

несла два сердечных приступа за последнее десятилетие, но у нее был дефибриллятор, и она может коптить небо еще бог знает сколько.)

К несчастью, здоровье у родителей Эдди прекрасное, а к моменту, когда они окочурятся, деньги придется делить между ним, его стервозной сестрицей и никчемным братом, так что будет не особо-то много. Эдди пытался прикинуть размер состояния родителей, большей частью по обрывкам информации от своих приятелей, занятых в торговле недвижимостью. Это превратилось в навязчивую идею, Эдди даже вел на домашнем компьютере электронную таблицу, которую старательно обновлял каждую неделю, исходя из оценок имущества. Но как бы он ни крутил эти цифры, было ясно, что, скорее всего, ему никогда не попасть в список десяти богатейших людей Гонконга от «Фортьюн Азия», пока родители управляют своим состоянием.

Его мать с отцом слишком эгоистичны. Ну да, они его воспитали, заплатили за обучение и купили первую квартиру, но подвели в действительно важных вещах – они не умели афишировать собственное богатство должным образом. Его отец, несмотря на всю свою известность, рос в семье, принадлежащей к среднему классу, и у него остались вкусы среднего класса. Ему достаточно было считаться уважаемым доктором, ездить в постыдно устаревшем «роллс-ройсе», носить ржавые часы «Одемар Пиге» и посещать свои клубы. А мать! Настоящая скупердяйка, считает каждое пенни. Она могла

бы стать королевой высшего света, если бы просто вспомнила о своем аристократическом происхождении, носила бы дизайнерские платья или уехала из этой замшелой квартиры в Мид-Левелс⁵⁰. Чертова квартира! Эдди терпеть не мог ходить к родителям в гости. Он ненавидел вестибюль с дешевыми черными гранитными полами и старой консьержкой, которая вечно жевала вонючий тофу из пластиковой коробки. В самой квартире его бесили кожаный секционный диван персикового цвета и белые лакированные консоли (купленные в середине 1980-х на распродаже в старом универмаге «Лэйн Кроуфорд» на Куинс-роуд), стеклянная галька на дне каждой вазы с искусственными цветами. Отвращение вызывала и случайная коллекция свитков с китайской каллиграфией (подарки пациентов отца), развешенных по стенам, почетные грамоты и знаки, расставленные на полке, что тянулась по периметру гостиной. Эдди корбило, когда он проходил мимо старой детской, которую был вынужден делить с младшим братом, – две одинаковые кровати и темно-синий шкаф из «ИКЕА» стояли на прежнем месте даже спустя все эти годы. Но больше всего Эдди выводил из себя огромный семейный портрет в рамке орехового дерева, выглядывающий из-за большого телевизора, – кошмар с отвратительным коричневым задником и позолоченным логотипом фотостудии в правом нижнем углу. Эдди не нравилось, как он получился на снимке. Ему тогда было девятнадцать, он толь-

---

⁵⁰ *Мид-Левелс* – богатый и престижный район Гонконга.

ко-только окончил первый курс в Кембридже, носил волосы до плеч, выстриженные перьями, и твидовый пиджак от Пола Смита – неимоверно крутой, как он считал в то время. На фото Эдди небрежно опирался локтем на материнское плечо. Почему у его матери, родившейся в такой аристократической семье, напрочь отсутствовал вкус? Много лет Эдди умолял ее переснять фотографию или вообще убрать, но мать упорно отказывалась: она была «не готова расстаться со счастливыми воспоминаниями о том, как здесь подрастали дети». Какие еще счастливые воспоминания? Единственным детским воспоминанием был стыд. Эдди стыдился пригласить к себе в гости друзей, хотя и знал, что они живут в куда менее престижных домах. Подростковые годы он, можно сказать, провел в тесном туалете, мастурбируя практически под раковиной и упираясь обеими ногами в дверь (она не запиралась).

Сейчас, стоя в новой гардеробной Лео в Шанхае и глядя через видовое окно на финансовый район Пудун, переливающийся огнями за рекой, словно рай на земле, Эдди поклялся: в один прекрасный день у него будет такая прекрасная гардеробная, что эта в сравнении с ней покажется маленьким свинарником. А пока у него есть кое-что, чего не купишь даже за хрустящие новенькие банкноты Лео, – приглашение на свадьбу Колина Ху в Сингапуре, отпечатанное на плотной тисненой бумаге.

11

Рейчел

По дороге из Нью-Йорка в Сингапур

– Ты же шутишь, правда? – спросила Рейчел, когда Ник ради прикола потянул ее на красную ковровую дорожку к стойке регистрации первого класса «Сингапур эйрлайнс» в аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди.

Ник заговорщицки улыбнулся, наслаждаясь удивлением Рейчел:

– Я решил, что, раз ты собираешься лететь со мной через половину земного шара, надо хотя бы попытаться сделать перелет по максимуму комфортным.

– Но это же стоит целое состояние! Тебе ведь не пришлось продать почку?!

– Не волнуйся, у меня накопился целый миллион авиамиль по программе для часто летающих пассажиров.

Рейчел все равно было неловко оттого, что Ник потратил мили на эти билеты. Кто вообще сейчас летает первым классом?! Второй сюрприз ожидал ее, когда они вошли в громадный двухэтажный «Эйрбас А380» и их тут же приветствовала прекрасная стюардесса, которая, казалось, сошла прямо с

рекламы с мягким фокусом в глянцевого журнале для путешественников.

– Мистер Янг, мисс Чу, добро пожаловать на борт. Позвольте мне проводить вас на ваши места.

Стюардесса в элегантном длинном облегающем платье⁵¹ двинулась по проходу и провела их к носовой части самолета, где расположились двенадцать отдельных апартаментов.

У Рейчел было ощущение, будто она попала в зал роскошного лофта Трайбеки⁵². В этом отсеке стояли два самых широких кресла, которые ей доводилось видеть, они были обиты простеганной вручную кожей от «Полтрона Фрау»; на стенке висели два больших телевизора с плоским экраном; настоящий шкаф в полный рост был изобретательно спрятан за выезжающей панелью орехового дерева. Кашемировый плед «Живанши» был искусно задрапирован над сиденьями, призывая пассажиров обняться и устроиться поудобнее. Стюардесса показала на коктейли, ожидавшие на центральном столике:

– Аперитив перед взлетом? Мистер Янг, для вас джин с тоником, как обычно. Мисс Чу, а для вас «Кир Рояль», чтобы вы чувствовали себя как дома.

Она протянула Рейчел бокал на длинной ножке. Охла-

---

⁵¹ Форма стюардесс «Сингапурских авиалиний» разработана Пьером Бальменом, вдохновленным традиционным малайским костюмом саронг-кебайя (и эта форма давно уже вдохновляет многочисленных пассажиров бизнес-класса). – *Примеч. автора.*

⁵² *Трайбека* – модный микрорайон на Манхэттене.

жденный пенящийся напиток, казалось, смешали пару секунд назад. Ну разумеется, здесь уже знали название ее любимого коктейля!

– Вы хотите посидеть до ужина или же прямо после взлета переоборудовать ваш отсек в спальню?

– Думаю, мы пока оставим все как есть, – ответил Ник.

Когда стюардесса удалилась, Рейчел воскликнула:

– Господь мой Иисус! Да мне доводилось жить в квартирах меньше, чем этот «отсек»!

– Надеюсь, ты не станешь возражать, – по стандартам азиатского гостеприимства все довольно скромно, – поддразнил Ник.

– Как-нибудь справлюсь. – Рейчел свернулась в своем роскошном кресле и начала переключать кнопки на пульте дистанционного управления. – Ох, тут больше каналов, чем я могу сосчитать. Ты будешь смотреть один из твоих унылых шведских триллеров? Ой! «Английский пациент»! Хочу посмотреть. Погоди-ка минутку. Наверное, плохо смотреть фильм об авиакатастрофе в полете?

– Это был крошечный одномоторный самолет – и вроде бы его сбили нацисты? Я думаю, что с нашим все должно быть хорошо, – сказал Ник, приобняв девушку.

Огромный аэробус начал выруливать к взлетно-посадочной полосе, и Рейчел посмотрела в иллюминатор на другие самолеты, выстроившиеся в линию на взлетном поле: на концах их крыльев вспыхивали огни, каждый ждал своей очереди.

ди, чтобы взмыть в небо.

– Знаешь, до меня наконец стало доходить, что мы отправляемся в путешествие.

– Волнуешься?

– Немного. Думаю, самый волнующий момент – спать на настоящей кровати в самолете.

– А потом все пойдет по наклонной?

– Разумеется. На самом деле все идет по наклонной с самого дня знакомства. – Рейчел подмигнула, переплетая свои пальцы с пальцами Ника.

Нью-Йорк

Осень 2008 года

Для справки: Рейчел Чу не почувствовала пресловутого электрического разряда, когда впервые увидела Никола-са Янга во внутреннем дворике пиццерии «Ла Лантерна ди Витторио». Конечно, этот Янг был ужасно красив, но Рейчел всегда с подозрением относилась к красавчикам, особенно к тем, что говорили с псевдобританским акцентом. Первые несколько минут она молча оценивала Николаса, задаваясь вопросом, во что Сильвия втянула ее на этот раз.

Сильвия Ван-Шварц, коллега Рейчел по экономическому

факультету Нью-Йоркского университета, вошла как-то раз в их кабинет и заявила:

– Я только что провела утро с твоим будущим мужем.

Рейчел пропустила мимо ушей это странное заявление, очередную бредовую задумку Сильвии, и даже не оторвалась от экрана ноутбука.

– Нет, правда. Я нашла тебе мужа. Он был вместе со мной на встрече студенческого совета. Мы виделись в третий раз, и я уверена: он подходящая для тебя пара!

– Итак, мой будущий муж – студент? Вот спасибо. Ты же знаешь, как я люблю несовершеннолетних!

– Нет же! Он блестящий новый профессор с факультета истории, а еще консультант факультетского Общества любителей истории.

– Ты же знаешь, я не встречаюсь с профессорами. Особенно с факультета истории.

– Но этот парень не такой, как все, говорю же тебе. Впервые за долгие годы встречаю такого интересного молодого человека! Просто душа. И очень сексуальный. Я бы уже через секунду приударила за ним, не будь я замужем.

– А как его зовут? Может, мы уже знакомы?

– Николас Янг. Он начал работать в этом семестре, перевелся из Оксфорда.

– Англичанин? – Рейчел подняла голову, испытывающая укол любопытства.

– Нет-нет. – Сильвия положила папки, села и сделала глу-

бокий вдох. – Я сейчас кое-что тебе скажу, но обещаю тебя выслушать, прежде чем дашь от ворот поворот.

Рейчел уже сидела как на иголках. Про какой же недостаток парня Сильвия умолчала?

– Он... азиат.

– Господи, Сильвия! – простонала Рейчел, закатывая глаза, и снова уставилась в экран ноутбука.

– Я знала, что ты отреагируешь именно так! Выслушай меня. Это не парень, а мечта, клянусь тебе...

– Не сомневаюсь, – язвительно процедила Рейчел.

– У него самый соблазнительный акцент, слегка британский. И он потрясающе одевается. Сегодня на нем был идеальный пиджак, помятый в нужных местах...

– Сильвия. Мне. Неинтересно, – с расстановкой произнесла Рейчел.

– Он немного похож на того японского актера из фильмов Вонг Карвая.

– Так он японец или китаец?

– А какая разница? Любого азиатского парня, который просто осмеливается посмотреть в твою сторону, ты награждаешь знаменитым взглядом Рейчел Чу, который в переводе означает «отвянь», и они отваливаются быстрее, чем ты даешь им хоть единый шанс.

– Это не так!

– Так! Я столько раз была этому свидетелем. Вспомни того парня на бранче у Яниры в прошлый уик-энд?

– Я была с ним очень мила.

– Ага, «мила»! Ты общалась с ним так, будто у него на лбу татуировка: «Герпес». Если честно, ты ненавидишь азиатов больше, чем все мои знакомые.

– О чем ты? Я не ненавижу азиатов. Кстати, а ты сама? Ты же выскочила за белого парня!

– Марк не белый, он еврей. Тот же азиат, вид сбоку. Это к делу не относится, но я, по крайней мере, успела побывать на свиданиях с целой кучей азиатов в свое время.

– Ну, я тоже.

– Когда это ты встречалась с азиатами? – Сильвия удивленно подняла брови.

– Сильвия, ты не представляешь, сколько азиатских парней я перевидала за эти годы. Давай-ка вспомним. Сначала был специалист по квантовой физике из Массачусетского технологического института, который видел во мне кругло-суточную уборщицу по вызову, потом я общалась с тайваньским сыном богатых родителей, у которого сиськи были побольше моих. Следующий был чаппи⁵³, получивший степень MBA в Гарварде и одержимый Гордоном Гекко⁵⁴. Мне продолжать?

– Уверена, они были вовсе не так плохи, как ты изобра-

---

⁵³ *Чаппи* – китайский яппи («churpie» образовано от «chinese» и «yuppie»). – Примеч. автора.

⁵⁴ *Гордон Гекко* – один из главных персонажей фильмов «Уолл-стрит» и «Уолл-стрит – 2: Деньги не спят» в исполнении Майкла Дугласа.

жаешь.

– Они были достаточно плохи, чтобы я установила правило «никаких азиатов» около пяти лет назад, – настаивала Рейчел.

Сильвия вздохнула:

– Давай посмотрим правде в лицо. На самом деле ты так себя ведешь с азиатскими мужчинами, потому что твоя семья мечтает, чтобы ты привела домой именно такого, а ты протестуешь и отказываешься с ними встречаться!

– Ты далека от истины, – рассмеялась Рейчел, покачав головой.

– Ну, либо же, будучи представителем расового меньшинства, ты считаешь конечным актом ассимиляции брак с женщиной доминантной расы. Вот почему ты всегда встречаешься с белыми протестантами англосаксонского происхождения... или с евротрэшем...

– Тебе доводилось бывать в Купертино, где я провела свои подростковые годы? Ты бы увидела, что там азиаты как раз таки доминантная раса. Прекрати проецировать на меня собственные проблемы.

– Тогда прими вызов и постарайся хотя бы раз отставить в сторону свои расовые предубеждения.

– Хорошо, я докажу, что ты ошибаешься. И как я должна представиться этому обаятельному азиату из Оксфорда?

– Ничего не нужно делать. Я уже пригласила его выпить с нами кофе в «Ла Лантерна» после работы! – весело сооб-

шила Сильвия.

Когда неприветливая эстонская официантка подошла, чтобы принять у Николаса заказ, Сильвия сердито прошептала Рейчел на ухо:

– Эй, ты что, онемела? Опять за свое?!

Рейчел решила подыграть ей и вступить в разговор, но вскоре поняла: Николас понятия не имеет, что их встреча подстроена, и куда больше заинтересован в ее коллеге. Он был под впечатлением от междисциплинарного опыта Сильвии и засыпал ее вопросами о том, как организован экономический факультет. Сильвия грелась в лучах его внимания, кокетливо смеялась и накручивала прядку на палец, пока они перешучивались. Рейчел буравила Николаса взглядом. *Этот чувак совсем бестолковый? Он не замечает обручального кольца Сильвии?*

Только через двадцать минут Рейчел смогла преодолеть давнишние предрассудки и взвесить сложившуюся ситуацию. Это правда – в последние годы она не давала азиатским парням особого шанса. Ее мать даже сказала:

– Рейчел, я знаю, тебе трудно выстраивать правильные отношения с азиатскими мужчинами, так как ты росла без отца.

Рейчел этот доморощенный психоанализ показался излишним упрощением. Если бы все дело было только в этом! Проблемы начались практически в тот день, когда Рейчел достигла половой зрелости.

Она начала замечать, что происходило всякий раз, когда азиат противоположного пола входил в комнату. Азиатский парень мог вести себя совершенно нормально со всеми другими девушками, но в присутствии Рейчел переключался в особый режим. Во-первых, ее сканировали с ног до головы. Азиатские мальчики изучали ее физические параметры самым беззастенчивым образом, оценивая каждый дюйм тела по набору стандартов, отличавшихся от тех, что были приспосабливаны для европейских девочек. Насколько большими были ее глаза? Веки двойные от природы или ей сделали операцию?⁵⁵ Насколько светлая у нее кожа? Насколько прямые и блестящие волосы? Достаточно ли у нее широкие бедра для деторождения? У нее акцент? И какой у нее на самом деле рост без каблуков? Рейчел со своим ростом в сто семьдесят сантиметров считалась дылдой. Азиатские парни скорее выстрелят себе в пах, чем станут встречаться с девушкой выше себя.

Если ей удавалось преодолеть первый этап, начиналась настоящая проверка. Все ее подружки-азиатки знали этот тест и называли его «САТ». Азиатские парни вели не особо завуалированный допрос, чтобы выяснить социальный статус (С), академические успехи (А) и таланты девушки (Т) и определить, годится ли она на роль потенциальной «жены и матери

---

⁵⁵ Для многих азиатов обоих полов европейский разрез глаз является пределом мечтаний, поэтому они делают пластическую операцию по формированию складки века.

сыновей». По ходу теста азиатский парень обычно не стеснялся «показать товар лицом» и рассказывал, сколько поколений его семьи живет в Америке, в какой области медицины заняты его родители, на скольких музыкальных инструментах он играет, сколько раз ездил в спортивные лагеря, от каких стипендий Лиги плюща отказался, на какой модели «БМВ», «ауди» или «лексуса» ездит и через сколько лет станет главным исполнительным или финансовым директором, главным технологом, главным юристом или главным хирургом (нужное подчеркнуть).

Рейчел настолько привыкла проходить САТ-тест, что его отсутствие сегодня обескуражило. Этот парень, похоже, действовал иначе – он не сыпал именами без устали. Рейчел недоумевала и не знала, как себя вести. Николас просто наслаждался ирландским кофе и приятной атмосферой и был совершенно очарователен. Сидя в огороженном внутреннем дворике, освещенном причудливыми разноцветными абажурами, Рейчел постепенно увидела в совершенно новом свете молодого человека, которого так навязывала ей подруга.

Она толком не понимала, что именно, но что-то в Николасе Янге было необычным. Для начала его одежда: слегка потрепанный холщовый пиджак, белая льняная рубашка, выцветшие черные джинсы... Короче, Янг напоминал какого-то путешественника, только что вернувшегося из Западной Сахары, где он составлял карты. Потом его самоуничижительное остроумие, которым знамениты парни, получив-

шие образование в Британии. Но в основе всего – спокойная мужественность и расслабленная легкость, оказавшаяся заразной. Рейчел втянулась в разговор и сама не успела понять, что произошло, а они уже трепались как старые друзья.

В какой-то момент Сильвия поднялась и объявила, что ей пора домой, иначе муж умрет от голода. Рейчел и Ник остались выпить еще по стаканчику, а дальше разговор плавно перетек в совместный ужин в бистро за углом, откуда они отправились в итальянскую мороженицу на площади Преподобного Демо, а потом прогулялись через весь Вашингтон-Сквер-парк, поскольку Ник настоял на том, чтобы проводить Рейчел до квартиры, которую ей предоставили от факультета. «А он настоящий джентльмен», – подумала Рейчел, когда они шли мимо фонтана. Там стоял гитарист с обесцвеченными дредами и жалобно завывал: «Ты стоишь рядом со мной, мне нравится проводить с тобой время...»

– Это же «Токинг Хедс»? – спросил Ник. – Слушай...

– Господи, и правда! Парень исполняет балладу «Должно быть где-то место»! – удивленно воскликнула Рейчел.

Ей понравилось, что Ник даже в такой отвратительной аранжировке узнал эту песню, наверное, он не раз слышал ее...

– Ну, не так уж он и плох, – заметил Ник, доставая бумажник и кидая несколько долларов в открытый гитарный чехол.

Рейчел обратила внимание, что Ник беззвучно подпевает.

«Он набирает несколько важных бонусных очков прямо сейчас», – подумала она, а потом поняла, что Сильвия была права с самого начала. Этот парень, с которым она так нескучно провела шесть часов подряд, парень, который знал текст одной из ее любимых песен и стоял сейчас рядом с ней, – этот парень был первым, кого Рейчел действительно могла себе представить в роли мужа.

12

Леонги

Сингапур

– Наконец-то! Наша золотая пара! – провозгласила Мэй-вис Уон, когда Астрид и Майкл вошли в ресторанный зал Колониального клуба.

Майкл был одет в темно-синий костюм от Ричарда Джеймса, Астрид нарядилась в длинное шелковое платье-флаппер⁵⁶ цвета спелой хурмы. Вместе они смотрелись просто поразительно, и зал привычно забурлил от сдерживаемого возбуждения дам, которые тайно рассматривали Астрид от затылка до пяток, и мужчин, взирающих на Майкла со смесью зависти и насмешки.

– Ай-я! Астрид, почему так поздно? – пожурила Фелисити Леонг дочь, когда та подошла к банкетному столу.

Стол был поставлен вдоль стены с наградными кубками, и за ним уже расселись родственники и почетные гости из Куала-Лумпура – тан сри⁵⁷ Гордон Уон и его супруга пуан

---

⁵⁶ *Флаппер* – так называли эмансипированных женщин 1920-х, а также стиль их одежды; они носили свободные платья прямого силуэта с заниженной талией.

⁵⁷ Второй по значимости федеральный титул, дарованный наследственным королевским правителем одного из девяти малайских государств (приравняется

сри Мэйвис Уон.

– Простите! Самолет Майкла из Китая задержали! – извинилась Астрид. – Надеюсь, вы не ждали нас, чтобы сделать заказ. Пока тут принесут еду, может пройти вечность!

Влиятельная леди, которая могла бы с легкостью выиграть конкурс двойников Имельды Маркос⁵⁸, с ее алыми щеками и могучим шиньоном, потрепала Астрид по щечке, будто та была маленькой девочкой, а потом затараторила без пауз:

– Ай-я, не видела тебя уже лет сто! В последний раз встречались, когда Кассиан был маленьким. Когда родишь еще? Не жди слишком долго, лах! Тебе нужно девочку! Моя десятилетняя внучка Белла просто влюбилась в тебя после прошлой поездки в Сингапур. Говорит мне: «А-ма, хочу быть как Астрид, когда вырасту». Я спросила почему, а она ответила: «Она всегда одевается как кинозвезда, а Майкл такой красавчик!»

Сидевшие за столом разразились смехом.

– Мы все были бы не прочь иметь такой же бюджет на одежду, как у Астрид, и пресс, как у Майкла! – язвительно заметил брат Астрид Александр.

Гарри Леонг оторвался от меню, поймал взгляд Майкла и поманил к себе. Гарри, с его серебряными волосами и тем-

---

к английскому герцогу), супруга носит титул пуан сри. (Тан сри обычно богаче дато, и, вероятно, ему не приходится так долго подлизываться к королевской семье.) – *Примеч. автора.*

⁵⁸ *Имельда Маркос* – политический и общественный деятель, вдова бывшего президента Филиппин Фердинанда Маркоса.

ным загаром, выглядел царственно во главе стола, и Майкл, как обычно, с изрядным трепетом приблизился к тестю. Тот протянул ему большой мягкий чехол:

– Это мой «Макбук Эйр». Что-то не так с вайфаем.

– А в чем конкретно проблема? Не находит нужные сети или вы не можете залогиниться? – уточнил Майкл.

Гарри уже вернулся к изучению меню.

– Что?! Просто не везде работает. Его же ты настраивал. А я не менял настройки. Спасибо тебе большое, что посмотришь. Фелисити, в последний раз я заказывал каре ягненка? Это здесь всегда пересушивают мясо?

Майкл покорно взял ноутбук и побрел к своему месту на другом конце стола. Вдруг Генри, старший брат Астрид, схватил его за рукав пиджака:

– Эй, Майк, жутко неудобно тебя беспокоить, но не мог бы ты заскочить к нам в выходные? У Захари что-то случилось с игровой приставкой, надеюсь, ты сможешь починить, а то слишком хлопотно отправлять ее обратно в Японию для ремонта.

– В эти выходные я, возможно, уеду, но если нет, то постараюсь зайти, – сказал Майкл безучастным тоном.

– Ой, спасибочки, – промурлыкала жена Генри Кэтлин. – Захари нас с ума сводит с этой своей приставкой.

– А что, Майкл хорошо управляется с гаджетами? – спросила Мэйвис.

– Да он просто гений, Мэйвис, гений! Идеальный зять –

может починить все, что угодно! – заявил Гарри.

Майкл смущенно улыбался, пока Мэйвис пристально на него смотрела.

– А почему я думала, что он служит в армии?

– Тетя Мэйвис, Майкл раньше работал в Министерстве обороны. Он помог запрограммировать все высокотехнологичные комплексы вооружения, – сказала Астрид.

– Ага, судьба баллистической защиты нашей страны находится в руках Майкла. Знаете, если к нам вторгнутся двести пятьдесят миллионов мусульман, окружающих нас со всех сторон, мы даже продержимся десять минут, – усмехнулся Александр.

Майкл попытался спрятать гримасу неудовольствия и открыл меню в толстой кожаной обложке. Кулинарной темой месяца стал «Вкус Амальфи»⁵⁹, поэтому большинство блюд были итальянскими. *Vongole*. Эта паста с моллюсками, он знал. Но что, черт побери, за *Paccheri alla Ravello*? Неужели они бы умерли, если бы поместили английскую транскрипцию? Это было нормой для одного из старейших спортивных клубов острова, места настолько претенциозного и консервативного, в традициях Эдвардианской эпохи, что женщинам не разрешалось заглядывать в мужской бар до 2007 года.

Подростком Майкл каждую неделю приходил поиграть в американский футбол на Паданг – огромное зеленое поле прямо перед зданием городского совета. На Паданге прово-

---

⁵⁹ Амальфи – город в Италии.

дились все государственные парады. Майкл часто с любопытством поглядывал на величественное здание в викторианском стиле у восточного края Паданга. С вратарского места он мог видеть сверкающие канделябры внутри, посуду под серебряными крышками на накрахмаленных белых скатертях, официантов в черных смокингах, снующих вокруг. Он наблюдал за важными шишками, наслаждающимися обедом, и размышлял, кто они такие. Ему ужасно хотелось попасть в клуб хоть разок, чтобы посмотреть на футбольное поле из его окон. Как-то раз Майкл пытался взять парочку друзей на слабо и подговаривал их тайком пробраться в клуб. Они бы отправились туда перед футболом, не снимая формы школы Святого Андрея, просто вошли бы как ни в чем не бывало, словно они члены клуба. Разве им не позволили бы заказать газировку в баре?

– Даже не мечтай, Тео, ты не в курсе, что это за заведение? Это Колониальный клуб! Чтобы попасть внутрь, нужно либо быть иностранцем, либо родиться в одной из этих мегабогатых семей, – прокомментировал один из его приятелей.

– Мы с Гордоном продали наше членство в Пулау-клубе, поскольку я поняла, что хожу туда только ради их айс качанга⁶⁰.

Майкл услышал разговор Мэйвис с его тещей.

---

⁶⁰ Традиционный малайский десерт на основе ледяной крошки с сиропами и различными топингами, такими как красная фасоль, сладкая кукуруза, пальмовые семечки, мармелад с агар-агаром, мороженое. – *Примеч. автора.*

Он сейчас все бы отдал, только бы оказаться прямо на поле со своими друзьями. Они бы играли в футбол до заката, а потом отправились бы в ближайшую копи тиа⁶¹, чтобы выпить холодного пивка, съесть наси-горенг⁶² или жареной рисовой вермишели чар бихун. Куда лучше, чем сидеть здесь в галстук, который его придушил до полусмерти,ковырять какую-то еду с непроизносимыми названиями за бешеные деньги. Правда, никто за столом никогда не видел, чтобы «принц и принцесса» (Уоны владели практически половиной Малайзии) оплачивали чек, а Майкл никогда не замечал, чтобы это делали и Астрид с братьями. Все уже были взрослыми и обзавелись своими детьми, но раскошеливался всегда Папа Леонг. У Тео в семье никто из братьев и сестер ни за что не позволил бы родителям расплачиваться по счету.

Сколько продлится этот ужин? Трапеза в европейском стиле, а значит, будет четыре блюда, по одному в час. Майкл снова заглянул в меню. Твою ж мать! Еще и салаты! Кто вообще подает салат после основного блюда?! Итак, будет пять блюд, кроме того, Мэйвис обожает десерты, хотя и жалуется постоянно на подагру. А его теща в ответ сетует, что у нее пяточные шпоры, после чего обе дамы обмениваются жалобами на хронические болезни, стараясь заткнуть друг друга

---

⁶¹ Кофейная лавка. – *Примеч. автора.*

⁶² Коронное блюдо индонезийской кухни: рис, жаренный с добавками. – *Примеч. автора.*

за пояс...

Потом наступит время для тостов. Сначала тесть будет витиевато прославлять Уонов за то, что они блистательно уродились в правильной семье, затем Гордон Уон возьмет слово и поднимет бокал за Леонгов, которые тоже гениальным образом появились на свет в правильной семье. После этого Генри Леонг-младший произнесет тост в честь младшего сына Уонов Гордона, прекрасного парня, которого в прошлом году застукали с пятнадцатилетней школьницей на Лангкави. Будет настоящим чудом, если ужин закончится до половины двенадцатого.

Астрид взглянула через стол на мужа. Эту прямолинейную позу и напряженную полуулыбку, которую он выжимал, разговаривая с женой епископа, Астрид хорошо знала. В первый раз она увидела это, когда их пригласили на чай к бабушке, а потом – когда они обедали с президентом в Истоне⁶³.

Майкл явно хотел бы оказаться сейчас в другом месте. *Или с кем-то другим?* Кто же этот *кто-то*? После того злополучного вечера, когда Астрид прочитала эсэмэску, она не переставала задавать себе эти вопросы.

---

⁶³ В переводе с малайского «дворец», официальная резиденция президента Сингапура. Строительство дворца завершилось в 1869 году по приказу сэра Гарри Сент-Джорджа Орда, первого колониального губернатора Сингапура. Ранее дворец был известен как Дом правительства, занимает более ста акров земли, прилегающей к Орчард-роуд. – *Примеч. автора.*

«СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ ВНУТРИ МЕНЯ».

Первые несколько дней Астрид пыталась убедить себя, что этому должно быть рациональное объяснение. Невинная ошибка, кто-то ошибся номером, розыгрыш или шутка для узкого круга лиц, которую она не поняла. Майкл стер сообщение к следующему утру, и Астрид хотела бы так же просто стереть его из памяти. Однако мозг не успокаивался. Ее жизнь не может продолжаться, пока не раскроется тайна, скрывающаяся за этими словами. Она начала время от времени звонить Майклу днем в неурочное время, придумывая глупые вопросы или предлоги, чтобы узнать, где именно он находится. Она стала проверять мобильный мужа при каждом удобном случае, лихорадочно просматривая все текстовые сообщения в те драгоценные минуты, когда Майкл оставлял телефон без присмотра. Больше никаких компрометирующих сообщений не было. Он умело замечал следы или у Астрид развилась паранойя? Вот уже несколько недель она анализировала каждый его взгляд, каждое слово, каждое движение, выискивая признаки, доказательства, которые убедили бы ее в том, что она не могла облечь в слова. Но ничего не было. Все казалось нормальным в их прекрасной жизни.

До сегодняшнего дня.

Майкл только что вернулся из аэропорта и пожаловался, что у него все болит после полета на среднем сиденье в последнем ряду старого самолета «Чайна Истерн эйрлайнс»,

где даже откинуться нельзя было, и Астрид предложила ему понежиться в горячей ванне с английской солью. Когда муж удалился, Астрид принялась рыться в багаже, бесцельно ища что-нибудь, хоть что-то. Когда она залезла в бумажник, то под пластиковым удостоверением личности сингапурца обнаружила какую-то сложенную бумажку. Оказалось, это счет за вчерашний ужин. Из ресторана «Петрус». На три тысячи восемьсот двенадцать гонконгских долларов. Многовато для ужина на двоих. Да и вообще, что делал ее муж в модном французском ресторане Гонконга? Он ведь должен был работать над проектом по облачному хранению в Чунцине, на юго-западе Китая. К тому же в подобное заведение Майкла можно загнать только пинками и криками. Вряд ли его партнеры, испытывающие недостаток в деньгах, одобрили бы подобные траты, даже на самых важных клиентов. (Кроме того, китайские клиенты едва ли согласились бы отведать блюда новой французской кухни, будь у них выбор.)

Астрид долго смотрела на чек, изучая решительный росчерк темно-синей подписи на хрустящей белой бумаге. Муж подписал чек швейцарской перьевой ручкой «Каран д'Аш», которую она подарила на последний день рождения. Сердце бешено забилося, Астрид казалось, что оно готово выпрыгнуть из груди, при этом ее словно парализовало. Она представила, как Майкл сидит при свечах в зале на верхнем этаже отеля «Айленд Шангри-Ла», смотрит на переливающуюся огнями бухту Виктория и наслаждается романтическим

ужином с девицей, которая отправила ему то похабное сообщение. Они начнут с отличного бургундского вина из Кот-д'Ора, а закончат суфле из темного шоколада на двоих (с глазурью из лимонного крема).

Астрид хотелось влететь в ванную и ткнуть этот чек в лицо Майклу, который блаженствует в теплой воде. Ворваться, завизжать, расцарапать ему физиономию! Разумеется, она не сделала ничего подобного... Астрид глубоко вздохнула. Взяла себя в руки. Самообладание воспитывали в ней с рождения. И она поступит благоразумно. Астрид понимала, что закатывать скандалы и требовать объяснений бессмысленно. После любого объяснения останется пусть даже крошечная, но царапина на их идеальной жизни. Астрид аккуратно сложила чек и сунула туда, где он лежал прежде, желая, чтобы этот чек исчез из бумажника Майкла и из ее мыслей. Просто испарился, и все.

Филип и Элинор Янг

Сидней и Сингапур

Филип сидел в своем любимом металлическом раскладном кресле на пристани, которая тянулась от самой лужайки, и косился то на удочку, заброшенную прямо в Уотсонс-Бей, то в последний номер «Популярной механики». Но тут в кармане брюк карго, нарушая спокойствие утра, завибрировал телефон.

Янг точно знал, что звонит жена. Практически только она и звонила ему на мобильный. Элинор настаивала, чтобы муж всегда носил телефон при себе на случай, если ей потребуется срочно связаться с ним, хотя Филип сомневался, что сможет чем-то помочь, случись что, ведь большую часть времени он проводил в Сиднее, тогда как Элинор моталась между Сингапуром, Гонконгом, Бангкоком, Шанхаем и еще бог весть какими местами.

Он ответил на звонок, и из трубки тут же полилась истерика жены.

– Успокойся и говори медленнее. Я не могу разобрать ни слова. Итак, почему ты хочешь броситься с крыши? – спро-

сил Филип в обычной своей лаконичной манере.

– Я только что получила досье на Рейчел Чу от частного детектива из Беверли-Хиллз. Его порекомендовала Мэй-бл Квок. Ты хочешь узнать, что там написано. – Это не было вопросом, а прозвучало скорее как угроза.

– Мм... А кто такая Рейчел Чу? – поинтересовался Филип.

– Не валяй дурака! Ты что, не помнишь, о чем я рассказывала тебе на прошлой неделе? Твой сын тайком встречается с какой-то девицей уже больше года и имел наглость сообщить нам накануне приезда, что притащит ее с собой в Сингапур!

– Ты наняла частного детектива, чтобы проверить эту девушку?

– Разумеется. Мы ничего не знаем об этой девице, а все уже говорят, что они с Ником...

Филип посмотрел на удочку, которая начала легонько подрагивать. Он понимал, к чему клонит жена, и не хотел участвовать в этом.

– Боюсь, я не могу сейчас разговаривать, милая. У меня срочные дела.

– Хватит, лах! Что может быть более срочным?! Досье еще хуже, чем все мои ночные кошмары! Эта тупица, твоя двоюродная сестра Кассандра, все неверно истолковала! Как оказалось, девчонка не имеет никакого отношения к тайваньским производителям пластика по фамилии Чу!

– Я всегда тебе говорю, что не стоит доверять ни единому

ее слову. Но какая разница?

– Что значит «какая разница»?! Эта девица весьма изобретательно притворяется Чу!

– Ну раз уж ее фамилия Чу, как можно ее обвинять в том, что она притворяется Чу? – спросил Филип со смешком.

– Не спорь со мной! Я тебе говорю, она хитрая! Сначала частный детектив сообщил, что она КРА, но потом раскопал, что она на самом деле родилась не в Штатах, а в Китае, а потом ее привезли в США в шестимесячном возрасте.

– И?..

– Ты меня слышишь, вообще? Она из материкового Китая!

Филип был сбит с толку.

– Но ведь все китайские семьи, по сути, из материкового Китая. Откуда еще она должна быть родом, по-твоему? Из Исландии?

– Не надо этих твоих шуточек! Ее семья жила в какой-то захолустной деревеньке в Китае, о которой никто никогда не слышал. Детектив считает, что они, скорее всего, из простых, другими словами, КРЕСТЬЯНЕ!

– Дорогая, думаю, если мы копнем поглубже, то все наши предки окажутся крестьянами. Ты в курсе, что в Древнем Китае крестьян почитали? Они составляли опору экономики и...

– Хватит молоть чепуху, лах! Ты еще не слышал самого плохого! Девчонка приехала в Америку с матерью. Но где

же ее отец? Нет никаких записей об отце. Должно быть, они в разводе. Ты можешь в это поверить?! Аламак, дочка какой-то разведенки из китайской глуши! Я готова прыгнуть с крыши!!!

– И что тут такого? Многие люди в наши дни растут у разведенных родителей, а потом заключают счастливые браки. Просто посмотри на процент разводов в Австралии, – пытался урезонить жену Филип.

Элинор вздохнула:

– Все австралийцы – потомки преступников, чего от них ждать?

– Вот поэтому ты здесь пользуешься такой популярностью, дорогая, – пошутил Филип.

– Ты не видишь всей картины! Эта девица, очевидно, хитрая и расчетливая ОХОТНИЦА ЗА ДЕНЬГАМИ! Ты знаешь не хуже меня, что наш сын не может жениться на такой женщине. Можешь представить, что скажет твоя семья, когда он приведет в наш дом эту авантюристку?!

– Вообще-то, мне наплевать.

– Ты не понимаешь, как это скажется на Нике? Разумеется, твоя мать во всем обвинит меня. Как обычно, я буду кругом виновата. Аламак, ты же точно знаешь, чем это закончится!

Филип глубоко вздохнул. Именно по этой причине он проводил как можно больше времени вдали от Сингапура.

– Я уже попросила Лорену Лим использовать все ее пе-

кинские связи, чтобы найти следы семьи этой девицы в Китае. Нам нужно знать все. Я хочу, чтобы не осталось никаких белых пятен. Нужно быть готовыми к любому развитию событий, – заявила Элинора.

– Тебе не кажется, что ты слегка перегибаешь палку?

– Вовсе нет! Нужно остановить эту глупость, пока все не зашло слишком далеко. Хочешь узнать, что думает по этому поводу Дейзи Фу?

– Не особо.

– Дейзи думает, что Ник собирается сделать этой девице предложение здесь, в Сингапуре.

– Если уже не сделал, – поддразнил ее Филип.

– Аламак! Ты что-то знаешь, чего я не знаю? Ники сказал тебе...

– Нет, нет, нет. Не паникуй. Дорогая, не слушай глупых подружек, из-за них ты накручиваешь себя на пустом месте. Нужно просто довериться выбору сына. Уверен, эта девушка окажется просто замечательной.

Рыба с силой тянула за леску. Может быть, это была баррамунди. Он мог бы попросить своего шеф-повара приготовить ее на гриле к обеду. Филипу ужасно хотелось закончить разговор.

* * *

В тот четверг, во время посиделок у Кэрол Тай, Элинора

решила, что пришло время созвать сухопутные войска. Пока дамы сидели без дела, наслаждаясь домашним бабур ча-ча⁶⁴ и помогая Кэрол раскладывать коллекцию таитянского черного жемчуга по цветам, Элинор горевала, смакуя охлажденный кокосовый пудинг с саго.

– Ники не понимает, что он творит со всеми нами. Теперь он заявляет, что не собирается останавливаться в нашей квартире и поселится в отеле с этой девицей. Такое впечатление, что он прячет ее от нас! Аламак! Как это будет выглядеть! – с пафосом вздохнула Элинор.

– Какой позор! Жить в одном номере, когда они не женаты! Знаешь, некоторые люди могут подумать, что они приехали сюда на медовый месяц! – встряла Надин Шоу, хотя в глубине души мысль о любом потенциальном скандале, который собьет спесь с могучих Янгов, наполнила ее радостью. Она продолжала раздувать пламя в сердце Элинор, хотя костер и не нуждался в растопке. – Как смеет эта нахалка думать, что может запросто припереться в Сингапур под ручку с Ники и принять участие в светском мероприятии года без твоего одобрения? Она, очевидно, понятия не имеет, как здесь все устроено.

– Ай-я, в наши дни дети совершенно отбились от рук и не умеют себя вести, – тихо сказала Дейзи Фу, качая голо-

---

⁶⁴ *Бабур чача* – десерт перанаканской кухни родом из Малакки, каша из разных ингредиентов: сладкого картофеля, цветных шариков тапиоки, таро, листьев пандана и кокосового молока.

вой. – Мои сыновья такие же. Тебе повезло, что Ники хотя бы предупредил, что приведет кого-то в дом. Я от своих мальчиков даже такого не жду. Узнаю из газет, что они вытворяют! А что делать? Вот что происходит, когда вы обучаете детей за границей. Они строят из себя европейцев, и по возвращении из них прет ослиная спесь. Можешь представить, моя невестка Даниэль заставляет меня договариваться за две недели, чтобы увидеться с внуками! Она думает, раз окончила Амхерст⁶⁵, то лучше меня знает, как воспитывать моих собственных внуков!

– Лучше тебя? Все знают, что эти КРА произошли от крестьян, которые были слишком глупы, чтобы выжить в Китае! – хихикнула Надин.

– Ох, Надин, не стоит их недооценивать. Эти девицы-КРА могут быть о-о-очень опасными, – предупредила Лорена Лим, произнеся последнее слово на южноминьском диалекте. – Америка теперь банкрот, и эти девицы хотят пробраться в Азию и запустить коготки в наших мужчин. Они даже хуже тайваньских «ураганок», поскольку европеизированы, искушены в житейских делах и, что хуже всего, получили высшее образование. Помнишь сына миссис Сью? Его бывшая женушка, окончившая университет Лиги плюща, *намеренно* познакомила экс-муженька с девушкой, которая впоследствии стала его любовницей. Этот глупый предлог тем

---

⁶⁵ Имеется в виду Амхерстский колледж – частный гуманитарный университет в городе Амхерст, штат Массачусетс.

не менее помог жене получить большие отступные после развода. Семейству Сюй пришлось распродать кучу имущества, чтобы расплатиться с ней! Пустая трата денег!

– Моя Даниэль сначала была просто лапочка, такая послушная и скромная, – вспоминала Дейзи. – Но стоило бриллианту в тридцать карат оказаться на ее пальце, как она превратилась в царицу Савскую! Теперь не носит ничего, кроме сплошной «Прады». А вы видели, что она заставляет моего сына спускать кучу денег на ветер, нанимая целый отряд телохранителей, которые повсюду ее сопровождают, как будто она важная шишка? Да кто вообще захочет похищать ее?! Охранять надо моего сына и внуков, а не эту девицу с плоским носом!

– Я не знаю, что бы я сделала, если бы Ники привел домой такую девушку! – простонала Элинора, и лицо ее приобрело самое грустное выражение.

– Да ладно, Лили, съешь вот еще сладенького, – проворковала Кэрол, пытаясь успокоить подругу и подкладывая добавку ароматного десерта в ее чашку. – Ники хороший мальчик. Благодарю Господа, что он не такой, как мой Бернارد. Я давно уже не пытаюсь что-то ему втолковать. Отец все прощает сыночку! Что делать? Отец просто платит и платит, а я все молюсь и молюсь. Библия учит нас принимать то, что мы не в силах изменить.

Лорена посмотрела на Элинора, размышляя, настало ли подходящее время для «бомбы».

– Элино́р, ты просила меня провести небольшое исследование по поводу семьи этой девушки в Китае. Не волнуйся слишком сильно, но я только что получила интригующие новости.

– Так быстро? И что удалось выяснить? – встре́пенулась Элино́р.

– Ну, нашелся один парень, который утверждает, что у него есть «очень ценные сведения» про эту твою Рейчел, – продолжи́ла Лоре́на.

– Аламак, и что же это? – Элино́р встревожи́лась.

– Я пока не знаю точно, но источник в Шэньчжэне.

– В Шэньчжэне? Тебе сказали, что это за информация?

– Нет, просто сообщили, что это «очень ценные сведения», но отказались обсуждать по телефону. Информацию сообщат только лично, и тебе придется раскошелиться.

– Как ты нашла этих людей? – взволнованно спросила Элино́р.

– У меня свои тайные каналы, – загадочно ответила Лоре́на на южноми́ньском. – Думаю, тебе стоит отправиться в Шэньчжэнь на следующей неделе.

– Невозможно. Ники и эта девушка уже приедут.

– Элли, думаю, стоит поехать именно тогда, когда они приедут, – высказала свое мнение Дейзи. – Подумай. Они же даже не собираются жить у тебя, так что имеешь идеальный повод уехать. А если ты уедешь, то у тебя будут все козыри. Ты покажешь всем, что НЕ собираешься расстилать красную

ковровую дорожку перед этой девушкой, и не потеряешь лица, если она окажется сущим кошмаром.

– Плюс добудешь какую-то важную информацию, – поддакнула Надин. – Может, она уже замужем или у нее ребенок. Может, она затеяла какую-то масштабную аферу...

– Ох, мне нужно принять ксанакс! – воскликнула Элино́р, потянувшись к сумочке.

– Лорена! Хватит пугать Лили! – вмешалась Кэро́л. – Мы не знаем историю этой девочки. Может, там и нет ничего страшного. Может, Господь послал Элино́р послушную набожную невестку. «Не судите, да не судимы будете!» Евангелие от Матфея, глава седьмая, первый стих.

Элино́р обдумала все сказанное.

– Дейзи, ты всегда такая умница. Лорена, могу я остановиться в твоей прекрасной квартире в Шэньчжэне?

– Разумеется! Я собиралась поехать с тобой. С нетерпением жду очередного шопинг-марафона в Шэньчжэне.

– Кто еще хочет поехать в Шэньчжэнь на выходные? Кэро́л, ты с нами? – спросила Элино́р в надежде, что Кэро́л впишется в эту авантюру и они смогут полететь на ее самолете.

Кэро́л наклонилась, сидя на кровати:

– Ой, я проверю, но думаю, что мы можем взять самолет, если вылетим до выходных. Просто муж должен лететь в Пекин, чтобы выкупить какую-то интернет-компанию, «Али Бай-бай» или что-то в этом роде. А в субботу Бернард летит

на мальчишник Колина Ху.

– Итак, мы едем на спа-уик-энд только для леди в эти выходные! – заявила Надин. – Хочу пойти в тот салон, где вам вымачивают ножки в деревянных лоханях, а потом целый час их массируют!

Элинор разволновалась:

– Отличный план! Давайте прошвырнемся по магазинам перед поездкой. Пусть Ники и его подружка сами тут как-нибудь, а потом я вернусь с ценными сведениями.

– Ценными боеприпасами, – поправила ее Лорена.

– Ха-ха, правильно! – весело воскликнула Надин, а сама между тем порылась в сумочке и начала набирать сообщение своему брокеру. – Кэрол, как там называлась интернет-компания, которую собирается выкупить дато?

14

Рейчел и Николас

Сингапур

Самолет резко накренился влево, вырываясь из облаков, и Рейчел впервые увидела остров. Они покинули Нью-Йорк двадцать один час назад и после дозаправки во Франкфурте оказались наконец в Юго-Восточной Азии, в царстве, которое ее предки называли Наньян⁶⁶. Но вид, открывавшийся с самолета, не напоминал романтическую, окутанную туманом местность, скорее, это был густой лес небоскребов, сверкающих в вечернем небе, и даже с высоты в шесть тысяч футов Рейчел прочувствовала пульсирующую энергию одного из мировых финансовых центров.

Когда электронные двери зоны таможенного контроля разъехались в стороны, открывая тропический оазис в зале прибытия терминала три, первым, кого увидел Ник, был его друг Колин Ху, который держал плакат «ШАФЕР». Рядом стояла очень загорелая худенькая девушка с целым ворохом

---

⁶⁶ Не путать с сингапурской академией, где студенты изучают, о ужас, мандаринское наречие китайского языка! «Наньян» на данном наречии означает «Южное море», и это слово стало общим ориентиром для большой этнической группы китайских эмигрантов в Юго-Восточной Азии. – *Примеч. автора.*

серебряных шаров.

Ник и Рейчел покатали багажные тележки к ним.

– Что ты здесь делаешь? – удивленно воскликнул Ник, когда Колин сжал его в медвежьих объятиях.

– Да ты что! Я же должен поприветствовать своего шафера. Так сказать, комплексное обслуживание, – просиял Колин.

– Моя очередь! – заявила девушка. Она обняла Ника и быстро чмокнула в щеку, а потом повернулась к Рейчел и протянула руку со словами: – Ты, наверное, Рейчел. А я Араминта.

– Прости, позволь мне представить вас друг другу. Рейчел Чу, познакомься с Араминтой Ли, невестой Колина. А это, разумеется, сам Колин Ху собственной персоной, – сказал Ник.

– Так приятно наконец с вами познакомиться, – улыбнулась Рейчел, энергично пожимая им руки.

Вообще-то, она не была готова к торжественной встрече. Страшно подумать, как она выглядит после многочасового перелета! А эти двое – веселая парочка. Рейчел рассмотрела их. Люди, как правило, не похожи на свои фотографии. Колин был выше, чем она представляла себе, чудовищно красивый, с темными веснушками и непослушными волосами, которые стояли дыбом, делая его похожим на полинезийского серфера. На Араминте были очки в тонкой оправе, и за ними скрывалось очаровательное личико без грамма косметики.

Ее черные волосы, стянутые резинкой в конский хвост, доходили до поясницы, и она казалась слишком худой для своего роста. На Араминте было что-то вроде пижамных штанов в клетку, бледно-оранжевый топ и шлепки. Хотя ей, вероятно, уже исполнилось двадцать пять, она больше походила на школьницу, чем на невесту, которая вот-вот пойдет к алтарю. Колин и Араминта были необычайно экстравагантной парой, и Рейчел задавалась вопросом, какие в итоге у них могут получиться дети.

Колин отправил кому-то эсэмэску.

– Водители ездили вокруг. Сейчас только сообщу им, что мы готовы.

– Поверить не могу! На фоне этого места аэропорт имени Джона Ф. Кеннеди выглядит как Могадишо⁶⁷, – заметила Рейчел. Она с удивлением изучала ультрасовременную конструкцию, пальмы и огромный пышный висячий сад, который, казалось, растянулся на всю длину терминала. Каскады зелени окутывала водная дымка. – Они увлажняют всю стену? У меня такое впечатление, будто я на фешенебельном тропическом курорте!

– Да у нас вся страна сплошной фешенебельный тропический курорт! – пошутил Колин, провожая гостей к выходу.

На обочине их ждали два одинаковых серебристых «ленд-ровера».

– Вот, сложите весь свой багаж в этот автомобиль, он на-

---

⁶⁷ Имеется в виду аэропорт в столице Сомали.

правляется прямо в отель. Мы поедem во втором.

Водитель первой машины вышел, кивнул Колину и сел в другой «лендровер», предоставив четверке свой автомобиль. Затуманенный от смены часовых поясов мозг Рейчел не знал, как на все это реагировать, и она просто забралась на заднее сиденье внедорожника.

– Какой прием! Меня так не встречали с самого детства! – воскликнул Ник, вспоминая, как в аэропорту когда-то собиралась целая куча родственников.

В те дни посещение аэропорта в принципе было волнующим событием, поскольку это также означало, что отец поведет его в кафе «Свенсен айскрим» в старом терминале – отведать «Сандей»⁶⁸. Тогда все уезжали на более долгий срок, поэтому женщины всегда плакали, прощаясь с родными, улетающими за границу, или встречая вернувшихся домой детей, которые целый год учились за рубежом. Как-то раз Ник подслушал, как его старший кузен Алекс шептался с отцом Гарри Леонгом, когда тот уже собирался на посадку: «Привези мне последний номер „Пентхауса“ с отдыха в Лос-Анджелесе!»

Колин сел за руль и отрегулировал зеркала.

– Куда? Прямо в отель или сначала *макан*?⁶⁹

– Я бы определенно перекусил, – сказал Ник. Он повер-

---

⁶⁸ «Сандей» – десерт из мороженого с фруктовым сиропом или желе, орехами, шоколадом, взбитыми сливками и ягодами.

⁶⁹ Поестъ (*малайск.*).

нулся, чтобы посмотреть на Рейчел, понимая, что она наверняка предпочла бы поехать в отель и рухнуть в кровать. – Как ты, Рейчел, нормально?

– Отлично! – отозвалась Рейчел. – Вообще-то, я тоже немного проголодалась.

– Потому что в Нью-Йорке сейчас время завтрака, – пояснил Колин.

– Хорошо долетели? Много фильмов посмотрели? – спросила Араминта.

– Рейчел устроила марафон имени Колина Ферта.

Араминта взвизгнула:

– Боже мой! Я его обожаю! Он для меня навсегда будет единственным и неповторимым мистером Дарси.

– Отлично, думаю, мы подружимся, – заявила Рейчел.

Она выглянула в окно, пораженная покачивающимися пальмами и изобилием бугенвиллеи вдоль ярко освещенного шоссе. Было уже почти десять часов вечера, но все в этом городе казалось неестественно ярким, искрометным.

– Ники, куда нам отвезти Рейчел, чтобы она впервые насладились местной едой? – спросил Колин.

– Хм... может быть, поедим рис с курицей по-хайнаньски в «Чаттербоксе»? Или сразу поедим на Восточное побережье за чили-крабом? – Ник волновался и готов был разорваться на части – он хотел бы отвести Рейчел *прямо сейчас* в сто разных мест!

– А может, сатэ?⁷⁰ – предложила Рейчел. – Ник всегда говорил, что настоящий сатэ можно попробовать только в Сингапуре.

– Тогда решено, мы едем в Лау Па Сат! – объявил Колин. – Рейчел, ты впервые увидишь рынок уличной еды. У них там лучший сатэ!

– Думаешь? А мне больше нравится то местечко в Сембаванге! – сказала Араминта.

– НЕ-Е-ЕТ! О чем ты, лах? Парень из первого «Сатэ-Клуб»⁷¹ все еще работает в Лау Па Сат! – настаивал Колин.

– Ты ошибаешься, – твердо возразила Араминта. – Он перебрался в Сембаванг!

– Вранье! – не сдавался Колин. – Это был его двоюродный брат. Самозванец!

– Лично мне всегда нравился сатэ в «Ньютоне», – вмешался Ник.

– «Ньютон»?! Да ты с ума сошел! Это место только для экспатов и туристов. Там и хорошего сатэ не осталось! – воскликнул Колин.

– Добро пожаловать в Сингапур, Рейчел! Спорить из-за еды – любимое местное занятие, – заявила Араминта. – Это, пожалуй, единственная страна в мире, где взрослые мужчины могут вступать в кулачный бой, споря, на каком конкретно лотке в каком-то забытом богом торговом центре лучше

---

⁷⁰ *Сатэ* – шашлычки из мяса, птицы, даров моря и многих других продуктов.

⁷¹ «*Сатэ-Клуб*» – самая известная сингапурская сеть уличной еды.

всего готовят непонятное блюдо из жареной лапши. Они так меряются сама знаешь чем!

Рейчел хихикнула. Араминта и Колин были такими забавными и простыми, что сразу же ей понравились.

Вскоре они оказались на Робинсон-роуд, в самом центре финансового района города. В тени массивных небоскребов спрятался Лау Па Сат, «старый рынок» на южноминьском диалекте, – восьмиугольный павильон под открытым небом. Внутри располагался шумный улей продуктовых лотков. Рейчел вышла с автостоянки и, пересекая улицу, сразу ощутила восхитительные пряные ароматы, наполняющие воздух. На входе в главный зал Ник повернулся к Рейчел и сказал:

– У тебя крышу снесет от этого места, это самое старое викторианское здание во всей Юго-Восточной Азии.

Рейчел уставилась на парящие филигранные чугунные арки и сводчатые потолки.

– Как будто внутри собора, – сказала она.

– Сюда приходят поклоняться еде, – пошутил Ник.

Несмотря на поздний час, здесь собралась целая толпа желающих поужинать. Бесчисленные ряды ярко освещенных лавок предлагали больше блюд, чем Рейчел когда-либо видела под одной крышей. Молодые люди стали обходить рынок, всматриваясь в различные витрины, за которыми мужчины и женщины с энтузиазмом готовили какие-то деликатесы. Рейчел с благоговением покачала головой:

– Тут так много всего, что я не знаю, с чего начать.

– Просто ткни пальцем в то, что тебя интересует, и я закажу, – предложил Колин. – Прелесть рынков еды в том, что каждый торговец фактически продает только одно блюдо, будь то пельмени со свиной или суп с рыбными шариками, и эти люди оттачивают свое мастерство всю жизнь.

– А то и больше. Многие из них – торговцы во втором, а то и в третьем поколении и готовят по старинным семейным рецептам, – заметил Ник.

Несколько минут спустя все четверо сидели за пределами главного зала под огромным деревом, украшенным желтыми огнями, а стол был заставлен разноцветными пластиковыми тарелками с хитами сингапурской уличной кухни. Здесь была и знаменитая жареная лапша чхаукуотиу, и прославленный малайский хрустящий омлет с устрицами, и салат роджак из огурцов и ананасов, а еще лапша в густом чесночном соусе, рыба, закопченная в кокосовых листьях, и чуть ли не сотня шашлычков-сатэ из курицы и говядины. Рейчел никогда не видела такого изобилия.

– Это просто безумие какое-то! Все блюда выглядят так, будто приехали из разных районов Азии.

– Сингапур к твоим услугам. Вот откуда в действительности пошла кухня фьюжн, – похвастался Ник. – Понимаешь, из-за того что в девятнадцатом веке сюда заходили корабли из Европы, Индии, с Ближнего Востока, все эти удивительные ароматы и текстуры смешались.

Рейчел попробовала чхаукуотиу, и глаза ее расширились от восторга, настолько вкусной была лапша, обжаренная с морепродуктами и яйцом в темном соевом соусе.

– Почему дома она другая?

– Спорим, тебе понравится вот это! – сказала Араминта, протягивая Рейчел блюдо с роти парата.

Рейчел оторвала кусочек золотистой лепешки и макнула в густой соус карри.

– Мм... божественно!

Затем наступило время сатэ. Рейчел наслаждалась сладковатым вкусом сочной курицы. Остальные пристально наблюдали за ней.

– Хорошо, Ник, ты был прав. Я до сих пор не ела нормальных сатэ!

– А ты еще сомневалась во мне! – присвистнул Ник с улыбкой.

– Не могу поверить, что мы обжираться на ночь глядя! – хихикнула Рейчел, потянувшись за вторым шашлычком.

– Привыкай. Я знаю, что тебе, наверное, хочется лечь спать, но мы тебя развлечем еще пару часиков, чтобы ты лучше приспособилась к смене часовых поясов, – сказал Колин.

– Ай-я, Колин просто хочет монополизировать Ника, причем по возможности надолго, – заявила Араминта. – Эта парочка практически не расстается, когда Ник в городе.

– Я должен извлечь максимум из этого времени, особенно учитывая, что «дорогая мамочка» в отъезде, – возразил Ко-

лин в свою защиту. – Рейчел, тебе повезло, что ты не встрети-
лась с мамой Ника сразу по приезде.

– Колин, ну не надо пугать ее! – проворчал Ник.

– Ой, Ник, я почти забыла! Я случайно встретила на днях твою маму в Черчилль-клубе! – начала Араминта. – Она схватила меня за руку и сказала: «Арамин-та-а-а-а, ай-я, ты такая смуглая! Хватит загорать, а не то на свадьбе будешь такая черная, что гости примут тебя за малайку!»

Все громко засмеялись, кроме Рейчел.

– Она ведь шутила, я надеюсь?

– Конечно нет. Мама Ника никогда не шутит, – сказала Араминта, не переставая смеяться.

– Рейчел, ты все поймешь, как только вы познакомитесь. Я люблю ее, как родную маму, но это особый экземпляр, – объяснил Колин, пытаясь успокоить Рейчел. – Но в любом случае очень хорошо, что твоих родителей нет в городе, Ник, поскольку в эти выходные ты обязан присутствовать на моем мальчишнике!

– Рейчел, а тебе придется поехать на мой девичник! – объявила Араминта. – Покажем мальчикам, что такое настоящее веселье!

– Еще бы! – воскликнула Рейчел, чокаясь бокалом пива с Араминтой.

Ник смотрел на свою девушку и поражался, как легко она очаровала его друзей. Он все еще не мог поверить, что она и правда здесь вместе с ним и впереди у них целое лето.

– Добро пожаловать в Сингапур, Рейчел! – весело воскликнул Ник, поднимая бутылку пива «Тайгер».

Рейчел заглянула в его сияющие глаза. Она никогда не видела Ника таким счастливым. Как она вообще могла сомневаться насчет этой поездки!

– И как тебе здесь? – спросил Колин.

– Ну-у-у, – протянула Рейчел, – час назад мы приземлились в самом красивом и современном аэропорту из всех, что я видела, мы сидим под огромными тропическими деревьями рядом с рынком еды, построенным в девятнадцатом веке, и у нас тут настоящий пир! Я уезжать не захочу!

Ник широко улыбнулся, не заметив взгляда, который Араминта только что бросила в сторону Колина.

15

Астрид

Сингапур

Всякий раз, когда Астрид нужно было взбодриться, она заезжала к своему другу Стивену. Тот владел маленьким ювелирным магазинчиком на верхнем этаже торгового центра «Парагон», спрятанным от других дорогих бутиков в дальней галерее. Ему не хватало блеска высококлассных ювелирных домов, таких как «Л'Ориент» или «Ларри», с их роскошными салонами, однако продукция ювелирного дома «Стивен Чиа» высоко ценилась местными знатоками-коллекционерами.

Конечно, нельзя пренебрегать наметанным взглядом опытного ювелира, но важнее то, что Стивен предлагал полную конфиденциальность. Это были своего рода тайные операции. Например, какая-нибудь всеми уважаемая дама нуждалась в быстром обналичивании денег, чтобы оплатить гарантийные депозиты сына-идиота, и могла здесь втихаря избавиться от какой-нибудь безделушки из семейных запасников. В этом магазине «особенные драгоценности», которые кто-то собирался продать с молотка в Женеве или Нью-Йорке.

ке, предоставлялись для частного осмотра ВИП-клиентам, вдали от глаз представителей аукционного дома. По слухам, магазин Стивена обожали жены шейхов Персидского залива, малайских султанов и индонезийских олигархов китайского происхождения. Разумеется, эти дамы не хотели, чтобы их видели скупающими ювелирные изделия на миллионы долларов в бутиках на Орчард-роуд.

Магазин состоял из очень маленького, довольно пустого зала, где в трех витринах в стиле эпохи Империи⁷² выставляли небольшую коллекцию предметов по умеренной цене, главным образом начинающих ювелиров из Европы.

Однако за прилавком в стиле буль⁷³ была зеркальная дверь, а за ней скрывался холл, откуда через вторую, металлическую дверь можно было попасть в узкий коридор с отдельными кабинетами. Именно здесь Астрид любила прятаться в комнатке, пропахшей ароматом туберозы и затянутой от пола до потолка бледно-голубым бархатом. Там стояла шикарная бархатная кушетка рекамье с высоким изголовьем, на которой можно было свернуться калачиком, потягивать содовую с лимоном и сплетничать со Стивеном, сновавшим туда-сюда и притаскивавшим все новые подносы с драгоценными камнями.

Стивен и Астрид познакомились много лет назад в Па-

---

⁷² Речь о времени правления Наполеона I.

⁷³ *Буль* – декоративный стиль, предполагающий богатую инкрустацию мебели слоновой костью, перламутром, металлом.

риже, когда она забрела в ювелирную лавку на Рю-де-ля-Пэ, где Стивен проходил обучение. Тогда редко можно было увидеть юную девушку из Сингапура, которая интересовалась бы камнями XVIII века, как и молодого китайца за прилавком *joaillier*⁷⁴, тем более такого представительного, как «Меллерио дитц Меллер», так что между ними тут же возникло взаимопонимание. Астрид была счастлива встретить в Париже кого-то, кто понимает ее вкусы и готов потворствовать охоте за редкими украшениями, принадлежавшими некогда мадам де Ламбаль⁷⁵. Стивен тут же понял, что перед ним дочка какой-то большой шишки, хотя на то, чтобы понять, кого именно, ушло еще три года.

Как и многие величайшие в мире торговцы ювелирными изделиями, начиная с Джанни Булгари и заканчивая Лоуренсом Граффом, Стивен на протяжении многих лет оттачивал умение идеально подстраиваться под прихоти очень богатых клиентов. Он непревзойденно предсказывал намерения азиатских миллиардеров и стал экспертом в распознавании многогранных настроений Астрид. Просто наблюдая за реакцией на разные украшения, которые ей демонстрировались, Стивен мог рассказать, какой у Астрид сегодня был день. И надо сказать, он видел ее такой впервые за все пятнадцать лет их знакомства. Что-то приключилось, и настро-

---

⁷⁴ Ювелирный магазин (*фр.*).

⁷⁵ *Мадам де Ламбаль* – французская аристократка, подруга королевы Марии-Антуанетты.

ение Астрид совсем упало, пока он показывал новую серию браслетов от Карне.

– Разве это не самые замысловатые браслеты, которые ты когда-либо видела? Похоже, дизайнера вдохновили ботанические рисунки Александра фон Гумбольдта⁷⁶. Кстати, о браслетах: тебе понравился тот, с подвесками, который купил твой муж?

Астрид посмотрела на Стивена в недоумении и переспросила:

– Браслет с подвесками?

– Ну да, Майкл купил его тебе на день рождения в прошлом месяце. Погоди минутку, ты не знала, что он приобрел его у меня?

Астрид отвела глаза, не желая выглядеть удивленной. Она не получала подобного подарка от мужа. Ее день рождения только в августе, и Майкл никогда не покупал ей украшения. Астрид ощутила, как кровь приливает к лицу.

– Ой! Совсем забыла! – весело воскликнула она. – Просто прелесть! Ты ему помогал выбрать?

– Ага, он заскочил как-то вечером в ужасной спешке, с трудом решился. Думаю, боялся, что тебе не понравится.

– Разумеется, мне понравилось. Спасибо, что помог ему.

Ни один мускул не дрогнул в лице Астрид. *Господи,*

---

⁷⁶ Александр фон Гумбольдт – немецкий географ, натуралист и путешественник, собственноручно зарисовывал растения, которые встречались в экспедициях.

неужели Майкл настолько тупой, что купил для кого-то украшение у ее близкого друга Стивена Чиа!

Стивен пожалел о том, что вспомнил про тот браслет. Похоже, подарок мужа не впечатлил Астрид. По правде говоря, он не был уверен, что Астрид вообще наденет что-нибудь столь банальное, как тот браслет с разноцветными бриллиантовыми подвесками в виде медвежат, но это было одно из самых дешевых украшений в его магазине, а Стивен понимал, что Майкл, плохо знающий вкусы своей жены, с огромным трудом нашел что-то по карману. Это был довольно милый жест на самом деле. Но теперь, после двадцати минут, проведенных в его магазине, Астрид уже купила кольцо с чрезвычайно редким синим бриллиантом, только что прибывшим прямоком из Антверпена, запонки в стиле ар-деко, которые когда-то принадлежали Кларку Гейблу, винтажный браслет от Картье из платины с бриллиантами и всерьез подумывала о фантастических серьгах от ВБХ⁷⁷.

Это украшение он принес чисто наобум, не думая, что серьги ее заинтересуют.

– Грушевидные камни – кунциты весом сорок девять карат, а замечательные сверкающие диски – матовые алмазы. Очень оригинальная огранка. Хочешь надеть что-то новенькое на свадьбу к Ху в следующие выходные? – спросил он, пытаясь разговорить свою необычайно сосредоточенную по-

---

⁷⁷ Инициалы фешен-дизайнера Вернона Брюса Хоиксемы (Vernon Bruce Hoeksema).

купательницу.

– Мм... возможно, – ответила Астрид, глядя в зеркало и рассматривая разноцветные драгоценные камни на огромных сережках, свисающих до плеч.

Серьги напомнили ей ловца снов⁷⁸ у североамериканских индейцев.

– Очень эффектно. В стиле Миллисент Роджерс⁷⁹, как мне кажется. А какое платье планируешь надеть?

– Я еще не решила, – промямлила Астрид себе под нос.

На самом деле она сейчас даже не смотрела на серьги. Астрид представляла себе украшение, купленное мужем, на руке другой женщины. *Сначала сообщение. Потом счет из ресторана. А теперь вот дорогой браслет с подвесками. Три – уже считается.*

– Мне кажется, если ты наденешь эти серьги, то платье должно быть совершенно простым, – добавил Стивен.

Он уже начал волноваться. Сегодня Астрид сама не своя. Обычно она врывалась в его магазинчик, и первый час они проводили за болтовней, лакомились вкуснейшими домашними пирожными с ананасом, которые она всегда привозила с собой, – и только потом он начинал показывать товар. Где-то час с небольшим она разглядывала украшения, а потом протягивала ему одну вещь: «Я подумаю вот об этом».

---

⁷⁸ *Ловец снов* – индейский талисман, защищающий спящего от злых духов.

⁷⁹ *Миллисент Роджерс* – знаменитая светская львица и законодательница мод 1920-х, внучка нефтяного магната.

Затем Астрид посылала ему воздушный поцелуй на прощание. Она не из тех клиентов, кто тратит миллион долларов за десять минут. Тем не менее Стивен обожал ее визиты. Ему нравились ее безупречные манеры, мягкий характер и полное отсутствие претензий. Это было дуновением свежего ветерка, совсем не так, как с остальными клиентками, когда постоянно требовалось почесывать их эго. Стивену нравилось вспоминать вместе с Астрид об их сумасшедших днях в Париже, и он восхищался оригинальностью ее вкуса. Конечно, Астрид заботилась о качестве камней, но ей плевать было на размеры и всякую показуху. Зачем, если у ее матери уже имелась одна из величайших ювелирных коллекций в Сингапуре, а у бабушки хранились такие легендарные сокровища, о которых говорили лишь шепотом? Специалист по истории искусств Хуан Пэнфань, один из немногих людей, который своими глазами видел великолепную коллекцию, рассказал Стивену: «Яшмы времен династии Мин, каких вы никогда не видели, царские драгоценности, которые Шан Лунма ловко выкупил у великих княжон, сбежавших в Шанхай во время большевистской революции. Когда Старая Леди умрет, ваша подруга Астрид, как любимая внучка, унаследует некоторые из самых бесподобных произведений в мире ювелирного искусства!»

– Знаешь что? Наверное, я куплю и сережки тоже! – заявила Астрид, вставая и одергивая короткую плиссированную юбку.

– Уже уходишь? Не хочешь диетической колы? – удивился Стивен.

– Нет, спасибо, не сегодня. Мне нужно торопиться. Много дел. Не возражаешь, если я заберу запонки прямо сейчас? Обещаю перевести деньги на твой счет до конца дня.

– Господи, не глупи, забирай хоть все. Дай только я найду какой-нибудь симпатичный футляр. – Стивен вышел из комнаты, вспоминая, что в последний раз Астрид была такой импульсивной после разрыва с Чарли У. *Хмм...неприятности в раю?*

Астрид направилась обратно к машине, которую оставила на парковке торгового центра, разблокировала замок, села за руль и поставила черно-кремовый пакет с тонким тиснением «Стивен Чиа» на пассажирское сиденье рядом с собой. Она сидела в душном автомобиле, где становилось жарче с каждой секундой, и чувствовала, как быстро колотится сердце. Астрид только что купила бриллиантовое кольцо за триста пятьдесят тысяч долларов, которое ей не особо было нужно, браслет за двадцать восемь тысяч долларов, который ей очень понравился, и пару сережек за семьсот восемьдесят четыре тысячи долларов, делавших ее похожей на индейскую принцессу Покахонтас. Впервые за несколько недель она почувствовала себя просто фантастически.

Потом она вспомнила про запонки, порылась в пакете и вытащила коробку, где в синем бархатном винтажном футляре лежали запонки в стиле ар-деко, купленные для Майк-

ла. Астрид смотрела на пару маленьких серебристо-кобальтовых запонок на атласной подкладке, которая пожелтела от времени.

Когда-то эти запонки касались рук Кларка Гейбла, подумала Астрид. *Роскошный, романтический Кларк Гейбл. Он ведь был женат несколько раз. И наверняка крутил романы со многими женщинами в свое время. Наверняка изменял женам, даже Кэрол Ломбард. Кто, вообще, стал бы изменять такой красавице, как Кэрол Ломбард? Но рано или поздно это происходит. Все мужчины изменяют. Это же Азия. У любого парня здесь есть любовницы, подружки и случайные связи на стороне. Это нормально. Даже статусно. Надо привыкнуть. У прапрадедушки были десятки наложниц. У дяди Фредди вторая семья на Тайване. А сколько любовниц успел сменить Эдди? Я уже со счета сбилась. Мужчинам просто нужны острые ощущения, быстрый перепихон. Им нужно отправиться на охоту. Это инстинкты. Им нужно распространять свое семя и совать свои причиндалы в любую подвернувшуюся дырку. СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ ВНУТРИ МЕНЯ. Нет, нет, нет. Ничего серьезного. Просто познакомился с какой-то девицей в командировке. Ну, поужинали. Переспали разок. Он купил ей браслет. С дурацкими подвесками. Банальщина. По крайней мере, он делал это тайком. Он трахал какую-то девицу в Гонконге, а не в Сингапуре. Многим женам приходится мириться с куда худшими обстоятельствами. Вспомни своих друзей. Вспомни, что при-*

илось пережить Фионе из-за похождений Эдди. Это уни-
зительно. Мне повезло. Не будь мещанкой. Это просто ин-
трижка. Не раздувай из мухи слона. Помни, нужно сохра-
нять достоинство даже в самые тяжелые моменты. Как
Грейс Келли. Кстати, Грейс Келли спала с Кларком Гейб-
лом, когда они снимались в «Могамбо». Майкл красив, как
Кларк Гейбл. А теперь у него будут запонки Кларка Гейбла.
Они ему понравятся. И не слишком дорогие. Он не разозлит-
ся. Он меня будет любить и дальше. Он все еще любит ме-
ня. Он не отдалился, просто устал. Это все работа. В ок-
тябре пять лет со дня нашей свадьбы. Господи, и пяти лет
не прошло, а он уже изменяет. Я его больше не привлекаю.
Я старею. Он устал от меня. Бедный Кассиан. Что будет
с Кассианом? Моя жизнь кончена. Все кончено. Нет, этого
не может быть. Я не верю, что это происходит. Со мной.

16

Го

Сингапур

Рейчел уставилась на циферблат и поняла, что спала всего около пяти часов, но приятное волнение не давало снова уснуть. Уже рассветало. Ник тихонько посапывал рядом. Она оглядела комнату, размышляя, во сколько этот номер обошелся Нику за сутки. Это был элегантный люкс, неброско декорированный светлым деревом, единственной вспышкой цвета были ярко-розовые орхидеи на столике у зеркальной стены. Рейчел поднялась с кровати, сунула ноги в плюшевые тапочки и тихо прошлепала в ванную, где плеснула воды в лицо, после чего подошла к окну и отодвинула штору. Снаружи раскинулся прекрасно ухоженный сад с большим манящим бассейном, у которого стояли шезлонги. Служащий в сине-зеленой с белым униформе ходил вдоль бортика с длинным шестом и сеткой, медитативно выуживая одинокие листья, напáдавшие за ночь в воду. На сад с четырех сторон смотрели отельные номера, а прямо за безмятежно-викторианским небольшим зданием вырос целýй лес небоскребов, напоминая Рейчел, что она находится в самом сердце

модного сингапурского района Орчард-роуд. Ей стало жарко, словно утренний зной просочился через окна с двойным стеклопакетом. Она задернула шторы и пошла в гостиную, чтобы порыться в ноутбуке. Залогинившись, Рейчел начала писать письмо своей подруге Пейк Лин. Уже через несколько секунд на экране высветилось мгновенное сообщение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.